

ПОСВЯЩЕННАЯ

Аманда
Йейтс Гарсия

КАК Я СТАЛА
ВЕДЬМОЙ

Быть ведьмой — это писать свою судьбу самой и не следовать патриархальным догмам.

Смелая. Её невероятная история

Аманда Йейтс Гарсия

**Посвященная. Как
я стала ведьмой**

«ЭКСМО»

2019

УДК 133.4
ББК 86.4

Йейтс Гарсиа А.

Посвященная. Как я стала ведьмой / А. Йейтс Гарсиа — «Эксмо»,
2019 — (Смелая. Её невероятная история)

ISBN 978-5-04-113906-3

Магия – реальна. И впустить ее в свою жизнь может каждая. В этом абсолютно убеждена американская ведьма Аманда Йейтс Гарсиа. На своем примере она показывает: каждая деятельная и самостоятельная девушка – тоже ведьма, которая проходит в своей жизни через свою личную преисподнюю, чтобы выйти оттуда еще более сильной, чем прежде. Соединяя воедино свою личную историю, античную мифологию и сведения о ведьмах и колдовстве в истории, Аманда Йейтс Гарсиа показывает, что такое магия на самом деле. Ведь магия – это не странные ритуалы и зелья. Это обостренное восприятие мира, умение читать знаки судьбы и усваивать уроки, которые преподносит жизненный опыт. Это женское сестринство, созидание и сострадание ко всем живым существам. А быть ведьмой – значит обрести собственный голос, самой определять свою судьбу и иметь страстное желание преобразовать этот мир к лучшему.

УДК 133.4
ББК 86.4

ISBN 978-5-04-113906-3

© Йейтс Гарсиа А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предостережение	6
Пролог	7
Глава первая. Фамильяры	11
Глава вторая. Язык птиц	19
Глава третья. Покидая храм отца	26
Глава четвертая. Обряды крови	34
Глава пятая. Входя в преисподнюю	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Аманда Йейтс Гарсиа

Посвященная. Как я стала ведьмой

© Марченко Д.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Моей матери, Матери, всем моим сестрам, братьям
по всему миру, всем нашим основателям с начала времен:
целителям, провидцам, возлюбленным, художникам, предсказателям,
изобретателям, мудрецам: Я вижу вас, я люблю вас, я чту вас...*

Предостережение

Эта книга – алхимическая смесь из мемуаров, мифологии, манифеста, теории, видений и снов. Как и в мечтах, иногда необходимо искривлять время, совершать огромные скачки между событиями. Мне пришлось оставить некоторые истории в своей Книге теней, чтобы рассказать их в другой раз. Иногда некоторые персонажи из мифологии, знакомые тебе, могут принимать различные своеобразные формы. Все это вполне ожидаемо в книге, написанной ведьмой. Насколько нестандартными, оригинальными, алхимическими эти истории могут быть, настолько же они и правдивы.

*Я была с вами с самого начала, И Я всегда буду рядом, Пока у вас есть желания
Дорин Валиенте, «Наказ Звездной Богини», в адаптации Звездного Ястреба*

*И вот, я, Женица, собираюсь взорвать Закон: взрыв, отныне
возможный и неотвратимый; позволим ему сбыться, прямо сейчас, в речи
Элен Сиксу, «Смех Медузы»*

Пролог

*когда вы больны
и в шаге от смерти
вот что нужно сделать
найдите место встречи
перекресток
под звездами
путь к духовным знаниям
говорящий, что это – то самое место
действительно то самое место
с множеством уровней
ложитесь здесь*

Энн Уолдман, «Хитрости феминизма»¹

«Ищи три звезды, которые создают Пояс Ориона». Я сощурилась от света звезд, ведя пальцем вдоль линии инструкций, которые я написала в Книге теней – книге, куда ведьмы вносят свои любимые заклинания. В одиночестве, на перекрестке, в самом сердце пустыни Мохаве, – мой призыв был адресован созвездию Ориона. В ночи я пропела: АОТН АВРАОТН BASYM ISAK SABAОТН IAО².

Меня обжег горячий порыв ветра с приграничных к Мехико земель. Свечи в лампадках зашипели и погасли. Я сжала в руке страницы блокнота, опасаясь, что они исчезнут в призрачных кустарниках, окружавших меня со всех сторон. Я появилась в пустыне, чтобы исполнить Безрассудный обряд, таинственный кусочек церемониальной магии, в котором ты провозглашаешь себя богоподобной. Ты можешь воззвать к богине Изиде, чтобы она вошла в тебя, ты говоришь ее голосом: «*Я та, что заставляет молнии сверкать, а гром – греметь, я та, чьи капли пота падают на землю дождем, чтобы зародилась жизнь*».

Я была здесь, потому что не хотела, не могла больше играть по правилам, сохранявшим положение вещей такими, какие они есть. С меня довольно. Довольно поражений.

Безрассудный обряд должен был стать для меня последним в цикле магических посвящений, начавшихся с самого моего рождения. Босиком и практически голая; платье из стопроцентного хлопка, в которое я облачалась во время одиноких ритуалов, хватало меня за ноги, словно волки в ночи. Я стояла под сводом возвышающихся, словно башня, красных камней, теплых на ощупь. Каждый из них был возрастом в миллион лет и по-прежнему излучал среди ночи солнечное тепло.

Колючие поля прыгающих кактусов³, сверкающие в свете звезд, создавали море вокруг меня, желая выскочить из него и проткнуть мои босые ноги своими шипами. Это были опасные земли. Гремучие змеи и койоты прятались в непроглядных ежевичных зарослях.

Но куда больше меня беспокоили местные обитатели – испорченные метамфетамином молодые люди, мачо на чудовищных внедорожниках с мощными двигателями, завывающих от жажды крови в просторах пустыни.

¹ Anne Waldman. *Trickster Feminism*, 2018.

² Слова силы, «Ритуал Безглавого», магия Хаоса. (Здесь и далее прим. ред.)

³ Кактусы рода опунции с острыми тонкими колючками. При соприкосновении с человеком «перепрыгивают» на него, глубоко впиваясь в кожу и одежду.

Как и большинство девушек и женщин, ведьмы знакомы с демонами мира мужчин. Они преследуют нас повсюду. Даже в дикой пустыне мы не можем быть наедине со своими ритуалами. Незваная тень насилия падает на нас, и для многих даже ее отголоска – жизни с предупреждениями о том, что надо быть осторожным, скопления маленьких и больших обид – достаточно, чтобы удерживать нас дома, «в безопасности» под покровительством патриархальных богов.

Всякий раз, как я видела свет фар, скользящий вдоль горизонта, или слышала низкое рычание мотоциклов, отражавшееся от стен каньона, я боролась с желанием убежать и спрятаться. Но плохие парни, которые считали себя властелинами мира, не могли разлучить меня с моей магией. Я была там из-за принципа. Из-за убеждения, что можно создать такой мир, в котором мне хотелось бы жить. Мир, в котором ведьмы увеличивают свои силы в пустыне. Мир, где женщина может петь гимны Богине, находясь за много километров от цивилизации, и не беспокоиться, что на нее нападут.

Поэтому я читала нараспев заклинания и орошала красную почву возлияниями. И старалась не думать о том, что мне никогда не доводилось использовать свою магию против мужчин, у которых, уверена, имелось оружие. Я всегда придерживалась правила делать те вещи, которые пугали меня.

Посвящение – это начало, ритуал прохождения, церемония, которая знаменует собой в каком-то роде продвижение вперед, во взросление или новую форму знания. Во время моей церемонии посвящения в колдовство на мой тринадцатый день рождения мы с мамой сидели с мотком красной нити, связывая вместе наши запястья, в кругу матерей и дочерей нашей общины. Названная Ритуалом роз из-за розовых палочек, которыми матери слегка касались наших свежих юных щек, церемония проводилась для девушек-ведьм моего ковена, которые посвящали свои жизни Богине и друг другу. Мерцали красные свечи, и дыхание детей наполняло комнату, подсвеченную мерцанием красных свечей и украшенную букетами роз и гирляндами папоротника.

Женщины и девочки согревали ее словно угольки; мы были здесь, чтобы отметить нашу кровь, эту силу жизни, бежавшую по венам обратно к началу всей жизни на земле, дорогу, несущую нас вперед, в неизвестное будущее, которое мы должны создать себе самостоятельно. В ту ночь мы распевали имена наших матерей-основательниц, с того самого начала во мгле истории, которого нам только удавалось достичь.

Когда мы наконец произнесли имя моей матери и затем мое, мы воспользовались ножницами в качестве атама⁴ – церемониального ножа, – чтобы перерезать красную нить пуповины, связывавшую нас вместе. Теперь я была сама себе хозяйка, свободная женщина, вольная птица. Чтобы отпраздновать это, мы отправились на прогулку в заросший пригородный парк. Полнолуние превратило меня и моих подружек в силуэты, когда мы вприпрыжку, смеясь, бежали сквозь заросли.

Это было посвящение лишь на словах: я все так же оставалась девочкой. И моя жизнь была готова взорваться. С тех пор я узнала, что куда более настоящий процесс инициации, чем формальная церемония, совершенная над тобой старшими, – это настоящий ритуал, который жизнь создает лишь для тебя.

Твоя жизнь посвящает тебя работе, которую только ты способна выполнить. Тебе необязательно быть рожденной матерью-ведьмой или же получить посвящение от высшей жрицы, чтобы стать ведьмой; достаточно уделять должное внимание тем урокам, которые Богиня преподает тебе с помощью твоего личного жизненного опыта, а затем восстать и начать действовать.

⁴ Атам, или атаме, – магический ритуальный нож.

Более того, колдовство – не только для женщин. Оно и для мужчин, и для трансгендеров, и для волшебных существ, и для духов животных и всего сущего. Тебе не нужно обладать маткой и сталкиваться с менструацией, чтобы стать ведьмой. Ты можешь найти свою силу в том, кто ты есть. Однако я обращаюсь в этой книге к ведьме как к «ней», поскольку я женского пола, а еще потому, что эта книга – любовное письмо ко всем женщинам мира.

Если же ты не женщина, эта книга по-прежнему для тебя. Каждому избранному Богини здесь рады, даже тем, кто пришел «только спросить». В своей книге «Ритуалы и символы инициации» антрополог Мирча Элиаде говорит, что инициация полового созревания обычно начинается с акта разрыва. Дитя, разлученное с матерью. Персефона, которую утащили вниз, в царство теней. Жестокий процесс.

А в Древней Греции элевсинские таинства, ритуалы посвящения, выполнял буквально каждый. Посвященные клялись хранить тайну под страхом смерти, если вдруг они расскажут о полученном опыте.

В IV веке н. э. с севера пришли христианские захватчики. Они уничтожили храм в Элевсине, превратили остатки в прах и построили на развалинах свои церкви. Едва ли сохранились какие-то записи об элевсинских таинствах. Но мы знаем, что посвященные поклонялись Деметре, богине урожая, и Персефоне, ее незамужней дочери, которая была похищена владыкой подземного мира и вынуждена стать его «невестой». Готовы мы или нет, наши травмы тянут нас в преисподнюю, посвящая нас, часто против воли, в тайны секса и смерти, а порой, в итоге, если нам повезло, – в тайны перерождения. Но последнее возможно лишь в случае, если мы исхитримся сбежать из подземного мира. Стоит провалить этот обряд посвящения, и мы остаемся там, в ловушке, – не умершими тенями, раздавленными тяжестью храмов нашего тирана. Предоставленные самим себе, большинство девочек-подростков – уже прирожденные ведьмы, и я не была исключением.

Я играла в предсказания со сложенной бумагой и контактировала с духами с помощью доски для спиритических сеансов. Я позволяла духу Любовника владеть мной, когда зависала с друзьями. На вечеринках мы использовали ритмичные заклинания, чтобы поднимать друг друга к самому потолку одним только мизинцем. Мы носили кольца настроения, анкхи и пузырьки с кровью на шеях. Мир тогда был зачарованным местом для меня и моего маленького ковена девчонок-ведьм. Но, хотя моя мать и была ведьмой и я была посвящена в ведьмовство еще до того, как окончила первый год учебы в колледже, мне никогда не приходило в голову, что я тоже могу стать ведьмой. Что колдовство, возможно, будет моей профессией.

А в нашем мире, если в твою поддержку не создан благотворительный фонд, тебе придется получить профессию. Тебе необходимо работать. Это моральный долг и, судя буквально по всем взрослым из моей жизни, это означало, что ты будешь несчастлива. Восемь часов в день, пять дней в неделю, иногда даже больше, – и так, пока ты не выйдешь на пенсию, больная и измотанная. Именно к этому готовило меня начальное школьное образование, именно этого ждал от меня мир. И к тридцати годам я перепробовала чуть ли не все виды работы, которые может себе представить молодая девушка, и каждая так или иначе была ничтожной.

И все же, несмотря на это, я сопротивлялась установкам капиталистического мира мужчин. Моей конечной целью было избежать игры по неизменным правилам, которые так стремились лишить меня сил, оставить меня ничтожной и использовать мои с трудом накопленные ресурсы в свою пользу. Ты можешь сказать, что я хотела обмануть систему. Но всякий раз, когда мне казалось, что я нашла выход, я оказывалась в том же самом месте: в преисподней.

К тому моменту, как я появилась в пустыне, исполняя Безрассудный ритуал, была середина лета, я зарабатывала на жизнь в качестве ведьмы уже несколько лет и чувствовала себя куда более свободной и сильной, чем когда-либо.

В ближайшие месяцы после моего пустынного ритуала, всякий раз, как я настраивалась, я слышала Богиню, которая просила меня перестать прятаться в чулане и выйти в большую

жизнь, выбить там место для нас, ведьм. Она говорила мне, что сейчас не время для того, чтобы дикой женщине зависеть от правил приличия. Это было время для того, чтобы мы начали действовать. Время для того, чтобы мы стремились вдохновлять других. Даже если мы боялись умереть или быть осмеянными. Даже если мы боялись, что это будет зря потраченное время, что мы проиграем, что нас будут осуждать или поймут неправильно. Ее милостью я обнаружила себя исполняющей ритуалы в музее искусств, дающей интервью газете «Лос-Анджелес таймс», спорящей о политике с учеными мужами – консерваторами на канале «Фокс-ньюз».

После этих выступлений, вперемешку с угрозами изнасиловать и обезглавить меня, приходили сотни писем от людей, благодарных мне за то, что указала им путь к колдовству. Читая лекции в университетах, я видела, как студенты, особенно молодые девушки, буквально выстраивались в ряд, с голодными глазами, сияющие, сжимающие свои блокноты, спрашивающие, как они могут начать практиковаться дома. Ведьмовство – это акт исцеления и акт сопротивления. Объявляя себя ведьмой, практикующей магию, ты имеешь все, что нужно, для провозглашения себя влиятельной, могущественной. Сама жизнь совершает над нами обряд посвящения в соответствии с нашими личными жизненными историями. Наши истории ведут нас к успеху в этом мире.

Каждое посвящение лишает нас чего-то и вместе с тем преподносит нам подарок. Если мы хотим познать себя полностью, мы обязаны подарить его миру. Я пишу эту книгу, потому что я знаю тебя, дорогая ведьма, я вижу тебя, где бы ты ни была, тянущая, словно одержимая демонами лошадь, сбрую, в которую тебя запряг патриархальный мир. Мы союзники, мы храним друг друга. И я надеюсь, что эта книга поможет тебе, так же как и твое существование, – даже знание о том, что ты существуешь, помогает мне двигаться вперед, раскрывать свой мир, делая его священным. Я вижу тебя в окружении камней, ищущего удовольствия дикого зверя с вытатуированным на всю грудь противостоянием этому миру. Я вижу тебя, обращенную лицом к луне, с ладонями, полными цветов пустыни. Ты – неприрученное существо, босоногое и соскальзывающее в транс. Вплетающее голос дикой местности в свои песни. Семена, сыплющиеся сквозь твои пальцы, восстановят землю. Твои обряды – акты любви и удовольствия. Ты – посвященная Богине Любви, даже если пока не знаешь об этом. Воспрянь духом, милая ведьма, потому что к концу этой книги ты *будешь* посвященной.

Глава первая. Фамильяры

Для большинства людей обыкновенная жизнь – так или иначе уже невольный процесс посвящения посредством огня.

Рудольф Штайнер, «Как достичь познания высших миров?»

Тело моей матери сопротивлялось желанию позволить мне прийти в этот мир, она знала, каким ужасным образом здесь обращаются с ведьмами. Тысячу лет назад моя мать отдалась бы в руки своих акушерок, воспевая гимны Гекате и крестив меня в ванне с полынью.

Десять тысяч лет тому назад я бы явилась в бытие прямо из болота, ведомая оленями, под серебряным сиянием убывающей луны. Но сейчас я пришла в этот мир в клинике при медицинском колледже возле Сакраменто, под светом флуоресцентных ламп, среди столпившихся в панике медиков-студентов, до сих пор воняющих пивом с предыдущего вечера. Они оказались не готовы к таким тяжелым родам. Всего лишь двадцатитрехлетнее, но уже прекрасно осведомленное о разрушающем влиянии материального мира, тело моей матери хотело сохранить меня внутри, где я была бы в безопасности. Шейка матки не расширялась, но я настаивала на появлении. Я требовала обретения свободы.

Я пинаясь ногами и царапалась в ее водном мире, словно рептилия, до тех пор, пока пуповина не замоталась вокруг моей шеи. Я была перевернута в неправильную позицию. Когда воды у моей матери отошли, они оказались черными – я была готом куда больше, чем в подростковом возрасте. Моя мать помнит, как ее торопливо везли на каталке по коридору больницы. Мигающие лампы, трубка в руке. Молниобразный зигзаг, показывавший мое сердцебиение, превратился в ровную линию. Минута, две, три, пять – мое сердце не билось. Богиня преисподней заявила свои права на меня как на свою собственность.

Я умерла, не родившись, я видела Ее лицо. У ведьм много богинь, и Геката главная над ними. Она – Хранительница перекрестков, она прорицательница, она знает тайны трав и умеет говорить с мертвыми. Поскольку она – Королева мертвых, она путешествует между мирами. Она стремительно передвигается по преисподней, рядом с ней черный пес. Она проникает в будущее, в прошлое, в тела, перемещаясь на крыльях ворона. Это была Геката, та, кого я увидела в утробе своей матери, борясь за свой первый вздох. Опыт смерти приводит тебя к колдовству. Богиня тянет тебя вниз, и там ты видишь ее лицо, и ты понимаешь, что не одинока в этом мире. Ты – дитя природы, и Она никогда тебя не покинет.

Моя мать тоже видела Гекату, в День матери, за пять лет до моего рождения, когда ей исполнилось восемнадцать. Она сплавлялась с друзьями по реке. Внезапно потеряв равновесие, она перевернулась, ее захватила бурлящая пена, и течение потащило ее вниз по реке, прочь от друзей, которые безуспешно пытались ее достать. Застряв между камней, она боролась, пытаясь всплыть, запаниковала, ударила локтем об камень и сделала вдох. Вода заполнила ее легкие. Все вокруг словно замедлилось. Зеленый свет звал ее сквозь длинный спиральный тоннель. Когда она появилась там, Богиня была повсюду вокруг нее. Мама могла видеть на 360 градусов, во всех направлениях, лицо Богини: землю – яркую, сияющую! Неспешно плывя в атмосфере нашего мира, моя мать по-прежнему была собой, но вместе с тем как-то расширилась. Вскоре она увидела внизу группу людей, собравшихся вокруг бледной и безжизненной женщины, возле которой присел мужчина, колотя по ее ребрам. Моей матери было все равно. Мир вокруг нее сиял: живая, дышащая планета, омываемая светом.

При этом она опускалась все ниже и ниже, пока не очутилась нос к носу с бездыханным телом прямо под собой. Потом она почувствовала рывок. Словно на веревке, ее дернуло назад в тело, и первым ее чувством была ярость, что ее заставили вернуться. Она не хотела снова

оказаться в человеческом царстве жестокости и предательства. Но вернуться была обязана: здесь еще оставались дела.

Когда я родилась и моя мать очнулась, она решила, что я мертва. Одна в больничной палате, живот разрезан и зашит черными нитками. Наконец появилась медсестра и положила меня ей на руки. Люди говорят, такого не бывает, но моя мать клянется, что, впервые открыв глаза, я улыбнулась. Умерев, прежде чем родиться, я была признательна уже только за то, что я есть в этом странном и прекрасном мире, за то, что смогу оказаться причастной к беседе с его красотой посредством колдовских ритуалов.

Моя мать говорит, что во время родов отец был в баре через дорогу, пьяный в хлам. Мой отец утверждает, что он находился в комнате ожидания, рыдая в ужасе оттого, что мы обе умерли. Так или иначе, шесть месяцев спустя моя мать решила уйти от него. Она забрала меня из скрытого в туманах фермерского дома с виноградниками, который они снимали в Северной Калифорнии, и привезла в крошечное деревянное бунгало на Центральном побережье в Сан-Луис-Обиспо. Одно из моих первых воспоминаний: мама стоит над котелком с кипящей водой в нашем маленьком жилище, распевая благословения макаронам с сыром.

Колдовство существовало всегда. Определение произошло от староанглийского *wicce*, произносимого как *witch*: мудрая, ведающая женщина. Она практикует искусство прорицания и распевает заклинания, она знает секреты трав и способна говорить с духами. Слова *wit* – разум и *witch* однокоренные: «знать, понимать, быть личностью интеллектуальной». Этимология слова *witch* отсылает нас к северноевропейскому шаманству. Это исток слова, хотя ведьмовство практикуется повсюду в мире, людьми всех народностей. Не нужно иметь северноевропейское происхождение, чтобы быть ведьмой. На испанском «ведьма» – *brujeria*, в афроамериканской народной магии ее зовут *conjure*, на итальянском «ведьма» – это *strega*. В мандаринском наречии Китая это слово звучит как *wǐpó*. Ведьмы существуют сквозь века и пространство. Колдовство объединяет людей, занимающихся магией по всему миру, вместе, для достижения высших целей справедливости, свободы и чествования жизненных сил земли.

Ведьмовские гены проходят сквозь всю мою родословную. Эйлин, что значит «лесной орех», плод кельтского дерева мудрости, – второе имя каждой первой дочери в моем роду с самых давних времен существования страны. Моя мать практиковала колдовство, даже когда она еще не знала, что это вообще такое.

Вероятно, женщины Северной Европы перестали так себя называть в тот самый момент, когда признание в ведьмовстве означало, что тебе тут же вырвут язык. Поэтому моя мать звала себя активисткой, когда я была ребенком. Годы спустя она сказала мне, что считала общественный активизм и колдовство двумя частями одного и того же обычая – служения Богине. С малых лет она хотела защищать женщин и детей. Принадлежащая богине Деметре еще до моего рождения, мама отождествляла себя с архетипом Матери.

В возрасте около двадцати лет, во время Вьетнама, моя мама присоединилась к движению «Матери за мир», протестуя против войны. Затем, когда война окончилась и активисты обратили свое внимание на предотвращение разрушения Земли, она последовала за Матерями и туда. Мне было около пяти лет, когда, по моим воспоминаниям, она взяла меня с собой в Каньон дьявола: неясные очертания завода по производству ядерной энергии, построенного на берегу Тихого океана, на линии активного геологического разлома. Матери притащили на побережье латунную кровать с муслиновым балдахинном. На кровати капиталист с оголенным черепом вместо головы, в цилиндре и смокинге, насильствовал свою невесту, наивную девушку в белом, – эдакая аллегория на людей Центральной Калифорнии, которые были буквально в одной постели с собственным злым роком. Моя мать тогда еще не знала ее, но Звездный Яст-

реб⁵ (праматерь Регенерации, движения ведьм того времени, чья книга «Спиральный танец» запустила процесс возрождения культа Богини) присутствовала на этом протестном движении. Позднее они встретились, но уже тогда они обе служили одной Богине – самой Земле.

Люди подстрекали мою мать отшлепать меня. Я была чересчур буйной, говорили они. Во время полуденного отдыха они видели, как я танцую во дворе. Я хотела носиться по траве, делать восхитительные короны из можжевельника, распевать свои тщательно продуманные магические заклинания в честь солнца, луны и света на листьях. Несмотря на то что администрация школы вызывала мою мать далеко не единожды, я отказывалась носить что-либо, кроме своей фиолетовой футболки с единорогом, – каждый день на протяжении целого года. В отделах магазинов я пряталась в таинственных кругах, состоящих из стеллажей с одеждой, заматываясь в расшитые блестками шарфы и шепча предсказания испуганным посетителям, когда они проходили мимо, держа в руках свои корзины.

Я дерзила взрослым. Секретарь в приемной школы сказала моей матери, что я самая большая грубиянка, которую ей доводилось встречать. Она не упомянула при этом, что сама виновата: она осмеяла мою подругу за то, что та обмочилась прямо в штаны, и приказала мне заткнуться, когда я начала с ней из-за этого ругаться. Поэтому я заявила секретарю, что ей нужно подать пример и заткнуться самой. Несмотря на это, моя мама отказалась бить меня. Мир, в котором я родилась, был уже достаточно жесток, сказала она. Ее избивал собственный отец. А одну из моих детских подружек убил собственный отчим: он затолкал ей в глотку кетчуп, а затем швырнул прямо в стену за то, что она отказалась съесть свою порцию оладьев. Уже в детстве я знала, что мне нужно найти место, где «закон отца» не сможет меня достать.

Дети не просто верят в магию – они *живут* ею. Ранние детские психологи, такие как Бруно Беттельгейм, были убеждены, что дети по природе своей анимистичны. Дети видят солнце, луну, реки, животных, деревья и камни как живых разумных существ. Все, что движется, – живое, а движется все. Атомы жужжат, планета вертится. Ничто не пребывает в состоянии покоя. Каждая частичка вселенной колеблется, приводимая в движение Духом.

Рене Декарт, образец западной философии и прародитель Просвещения, прежде всего известен аксиомой *cogito, ergo sum* – «Я мыслю, следовательно, существую». Но, возражал он, существование всего прочего должно подвергаться сомнению. Земля может оказаться уловкой. Твой любимый может в действительности не быть с тобой. Все остальное – миражи, но ты, индивидуальный думающий человек, ты *точно* существуешь. Декарт также считал, что животные – преимущественно органические машины, которые неспособны думать или испытывать боль, и бессмысленно испытывать сочувствие к ним. И его умозаключения, суть западной философии, привели к порабощению живых существ, появлению фабрик, вырубке и сжиганию лесов Амазонки. Для Декарта только люди – белые мужчины, в частности владеющие землями, – имели разум и душу, и поэтому лишь они заслуживали внимания. Но даже в семнадцатом столетии дети знали, что мир обладает даром речи, взывает к любви.

«То, что мы не понимаем речь животных, вовсе не означает, что они ничего не говорят, – помню, как в детстве я сказала это маме, когда мы ехали сквозь эвкалиптовую рощу Сан-Луиса, наблюдая, как ястребы кружили в ленивом солнечном свете. – Мы просто слушаем их неправильно». Но Декарт и Беттельгейм со мной бы не согласились. Они были убеждены, что природный интеллект – это всего лишь временный механизм подражания у детей и «примитивных людей», который они применяют, пока не смогут культурно решать свои проблемы посредством «разума».

⁵ В оригинале: Starhawk.

Если смотреть поверхностно, аргументы философа Просвещения кажутся сильнее, чем магия детей, ведьм, волшебников и прирожденных шаманов мира. Но «просвещенный» муж черпает свою силу в навязывании кириархии (что характеризует движение «хозяин – раб, притеснитель – притесненный»), и кириархия медленно душит наши виды, как и все живое на планете. Кириархия словно вирус: она убивает организм, в котором живет. Даже в детстве я не собиралась рукоплескать ему, украшать его золотыми лентами или дарить рождественские подарки, которые, как он сам решил, положены ему в качестве искренних поздравлений.

Беттельгейм может возразить, что я всего лишь упорно хочу отстоять свою веру в магию уже как взрослый человек, поскольку ребенком я слишком рано была вынуждена отвергнуть свои магические рассуждения. В своей книге «Полезность волшебства»⁶ он заявляет: «Многие молодые люди, которые сегодня пытаются сбежать в наркотические сны, поступают в ученики к различным гуру, верят в астрологию, занимаются черной магией или же любым иным образом сбегают от реальности в мечты, что магия поможет изменить жизнь к лучшему, были вынуждены преждевременно столкнуться со взрослой жизнью».

Может быть, Беттельгейм прав. Как человек, который любит астрологию и магию всех видов, я знаю, что кириархия пыталась заставить меня отринуть мысли о магии слишком уж рано. Но он ошибался, когда в той же книге утверждал, что если однажды ребенка удачно убедили, что жизнь можно создать и «реальным способом», то ребенок забросит свои детские магические размышления. Что это за «реальный способ», о котором говорит Беттельгейм? «Реальный способ» означает, что мы отступаем. Нам положено игнорировать, что западная цивилизация построена на порабощении людей и разрушении природы. Нам положено пренебрегать этим фактом и устраиваться на хорошую работу – врачами, адвокатами, банкирами; а если нам не удастся, то мы должны хотя бы попытаться и сочетаться браком с таким человеком. Нам положено игнорировать, что ледниковый покров тает, планета нагревается, а животы рыб полны пластика. Положено покупать больше барахла. Положено быть более рассудительными. Беттельгейм говорит: «С помощью своего социального, научного, технологического прогресса человек может освободиться от своих страхов и угроз своему существованию». Но когда нас поощряют быть рациональными, на самом деле нас частенько склоняют к большему индивидуализму. Нас поощряют видеть себя по отдельности, врозь, и соревноваться с остальными. А магия же, наоборот, учит нас связи, сотрудничеству; магия – процесс воссоединения вещей в целое. В конечном счете магия – это любовь.

Как и многие другие ведьмы, я была рождена восхищаться миром, наблюдая за лучистыми, взаимозависимыми духами камней, листьев, живых существ. Но, как и практически каждая ведьма, которую я знаю, в детстве я не столько изучала свое место в этой сети взаимосвязей, сколько была вынуждена признавать, что сила и свобода, которые в моем понимании были священными правами, данными при рождении, не признавались прочими представителями моего вида. Мне хотелось играть в волшебном саду Богини, восхищаться тому, как растут растения, встречать Ее созданий, танцевать в полях и петь у Ее алтарей. Но мир разочарований и его прихлебатели всегда вставали на моем пути.

Даже «Дисней», компания, которая вещает о своей приверженности к чародейству, рано научила меня разочарованиям этого мира. Я всегда начинала рыдать, когда мама Бэмби, объясняя малышу-олenenку, почему им необходимо спрятаться, причитала: «Человек пришел в лес». Вскоре после этого маму Бэмби убивали, а лес пылал огнем. Оленятам рано приходилось познать, что «Человек» всегда вмешивается в существование лесных жителей в этом мире.

⁶ В оригинале: *The Uses of Enchantment*.

Мой первый опыт в начальной школе: «Человек» требовал, чтобы я принимала риталин⁷. «Человек» не хотел, чтобы я вызволила хомячка из его тюрьмы, он желал, чтобы я тихо сидела за партой под светом флуоресцентных ламп и смотрела учителю прямо в глаза. «Читайте вслух таблицу умножения, – приказывал «Человек», – повторяйте за мной: Джордж Вашингтон никогда не лгал... Теперь смотрите, как взрывается “Челленджер”⁸». С раннего возраста я видела, как счастлив был «Человек», командуя, отдавая распоряжения, критикуя, диктуя правила и запреты или что-то утаивая от тебя, но, если ты сопротивлялся, ты объявлялся грубияном, бунтарем, неблагодарным. «Человек» считает, что ты должен больше улыбаться. «Человек» поставил мне диагноз «дислексия» и отправил меня во всевозможные коррекционные группы, потому что он был озабочен, что я не буду соответствовать его требованиям к академическому совершенству. «Человека» не волновало, что у меня имелись дела поважнее.

«Человек» удостоверился, что на школьной лужайке проводилось достаточно соревнований, но он не видел королевства божьих коровок, процветающего в поникшей траве по краям площадки. Желтых цветов с прозрачными зелеными стебельками, которые мои прекрасные подружки-ведьмы жевали, жмурясь от удовольствия. Детство со сверстниками приносило мне утешение в этом враждебном мире. Например, Ванесса, стройная смуглая австрийка со страстью к состояниям измененного сознания, научила меня принимать чересчур горячую ванну, а затем падать на пол ванной комнаты, прижимаясь щеками к благодатному холоду плитки. Или Лея, великодушная, с широкими русскими скулами, подарила мне талисман – кроличью лапку, когда я потеряла свой возле ручья. Мы с ней провели бесчисленные часы, скрываясь под сводами сосен и взывая к феям, с наперстками, полными чая, и кислыми яблочными конфетами. Мы вырядились в костюмы, заворачиваясь в плащи словно нордические вельвы – странствующие скандинавские жрицы. Мы гонялись за небесными светилами сквозь леса и колоутили посохами по гранитным валунам позади ее дома, вызывая дожди. Еще я любила Ханну, худенькую и бледную, со скрипучим голосом. Мы разделяли абсолютно анимистическое убеждение, что наши мягкие игрушки устраивают пикники, стоит нам выйти из комнаты, посиделки с воздушными шариками, ленточками, песнями и даже карнавалами. Ханна усадила все свои игрушки в круг рядом с собой, когда среди бела дня какой-то незнакомец ворвался к ним в дом и изнасиловал ее бабушку в соседней комнате. И я, и мои друзья жили в зачарованном мире, но хитрый и зловещий «Человек» всегда тайно следил за нами по ту сторону наших окон.

Первые четыре года моей жизни мы с мамой были одни. Мы жили с серым полосатым котом по имени Спенсер в небольшом белом домике с маленьким крылечком, увитом лозами, на Персиковой улице, в Сан-Луис-Обиспо. Мать-одиночка, моя мама тяжело работала, чтобы нас содержать. Когда она была не на службе, то читала мне «Мифы Древней Греции» Д’Олера. Книгу, которая научила меня: на протяжении тысячелетий боги патриархального мира стремились истребить своих детей. Тем не менее я любила эти истории и поддалась соблазну назвать свою рыбку в аквариуме именем бога. Зевс, гуппи с красным хвостом цвета грозových облаков, оправдывал свое имя. Он съел бы всех мальков, если бы я не отсадила их в отдельную емкость. Ирис⁹, моя радужная тетра, была названа в честь богини посланий; она плавала, мерцая, между водяными папоротниками и затонувшими листьями.

Ночами было иначе. Мне снились кошмары. Я была лунатиком. Моя мать находила меня на улице, блуждающую в одной только ночной рубашке. Мы живем на населенной призраками земле, в иллюзорном мире. Конкистадоры и колонизаторы проливали кровь коренных жите-

⁷ Риталин – стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

⁸ Катастрофа шаттла «Челленджер» произошла 28 января 1986 года, когда космический челнок «Челленджер» разрушился в результате взрыва внешнего топливного бака на 73-й секунде полета.

⁹ Ирис, или Ирида, – древнегреческая богиня, вестница богов, богиня радуги.

лей, черные деяния преследуют многие американские семьи из поколения в поколение. Ребенком я была очень чувствительна к фантомам этой земли, призракам моих предков, тиранов и угнетенных.

В наиболее жуткие ночи я забиралась к маме в постель. Она пела мне колыбельные и рассказывала истории о волшебных мирах, о маленькой героине по имени Аманда, которая вела дружбу с драконами и могла съезжать с радуги вместе с Ирис, богиней посланий.

Как и было предсказано Беттельгеймом, когда я была в плену своего воображения, я чувствовала себя в безопасности. Опасность наступала, если я ощущала, что нахожусь в центре внимания сластолюбивого, бурлящего воображения нашей обыденной цивилизации. Человечество отвергло монстров, следящих за нами из-за каждого угла. Каждую ночь, перед тем как я ложилась спать, моя мать проводила ритуал изгнания в моей комнате, хлопая в ладоши, стуча по банкам и требуя, чтобы все злые духи, таившиеся там, немедленно нас покинули. «Силами Богини во мне, я приказываю всем испорченным духам покинуть это место!» Бах! Это было в те ночи, когда она не работала в «Олд-Порт Инн» официанткой.

Днем она работала в «Изи Эд», и иногда, когда ей предстояло совершать весь день телефонные звонки, продавая рекламные площади местным бизнесменам, она брала меня с собой. В качестве утонченного извинения за то, что у нее не было иного выхода, кроме как привести с собой ребенка, она выражала меня маленьким пажом, разносящим дары в розовой картонной коробке: пирожки с кленовым сиропом и старомодный глянцевоый шоколад с конфетти из радужной присыпки.

У тети Микки был домашний детский сад, и часто, если моя мать работала, меня отправляли туда, хотя я ненавидела это место. Там был ужасный мальчишка-подросток – не знаю, чей-то брат или просто еще один детсадовский ребенок, – но он всегда измывался над моей лучшей подругой, маленькой девочкой, которая едва умела ходить. Он забирал ее с собой в туалет, закрывался там и смеялся, когда я, рыдая, колотила в дверь.

Мама помнит мои вопли в телефонной трубке. Однажды, в возрасте около двух лет, я отправилась исследовать кухню тети Микки. Мне хотелось опробовать толстые черные шнуры, соскальзывающие вдоль кухонного стола, эти лозы, которые карабкались вверх. В 70-х годах некоторые кофейники встраивались прямо в стену. А я всегда была альпинисткой, исследовательницей всего на свете. Моя мать не помнит, кто из сотрудников привез ее в больницу. Помнит только мои крики, раздававшиеся в больничном холле, сотрясавшие стены комнаты, словно я была титаном, который пытался выбраться из крошечной стальной клетки. Кофе обжег восемьдесят процентов моего тела, так покрыв мою детскую кожу волдырями, что она лопалась и сочилась, словно пороссячья шкурка.

Зов колдовства часто начинается с травмы или болезни. Чтобы ориентироваться в преисподней, нужно побывать там неоднократно. Тот, кто был в подземном мире, может сослужить службу тем, кто старается избежать его когтей. Многие месяцы я приходила в больницу каждый день счищать струпья, чтобы не осталось шрамов. Потребовались три медсестры, помимо моей мамы, чтобы удерживать меня на одном месте у доктора: я была слишком маленькой для анестезии. Мать считает, что этот мой опыт внушил мне подсознательное недоверие к ней. Она говорит, если придется вновь попасть в ту же ситуацию, она покинет палату, даже если держать меня будет пять медсестер. Годы спустя, когда я пошла в начальную школу, ей приходилось ездить разными окольными путями, чтобы избежать по дороге больницу. Если мне на глаза попадались эти бетонные стены, я орала и дергала ремень безопасности, пытаясь выпрыгнуть из машины прямо на ходу и удрать оттуда подальше.

Вскоре после ожога у меня началась астма. Мои легкие сжимались до тех пор, пока губы не начинали синеть, пока сердце не начинало молить о крови и кислороде всю комнату вокруг. Ребра стягивало стальным корсетом, я хрипела и хрипела, погружаясь в ритмичный транс

чистейшей борьбы за выживание. Все вокруг исчезало, мир чернел и угасал, все, что оставалось, – шелковая нить моего дыхания, и я стойко держалась за нее, словно была астронавтом, которого затягивало в бездну.

Из этой бездны выполз мой первый фамильяр¹⁰.

Когда моего отца призвали на службу в Национальной гвардии, порой он приезжал из Северной Калифорнии и оставался в бараках лагеря Сен-Луиса. Я помню упорядоченные ряды длинных деревянных строений, побеленных и с зеленой отделкой. Помню спартанскую обстановку комнат, в которых ничего не было, кроме металлических коек, туго заправленных шерстяными одеялами поверх накрахмаленных белых простыней, и тяжелых деревянных сундуков в изголовье каждой такой кровати. Там не оставалось места для чего-то личного, однообразие и непрерывность этого пространства пугали меня.

Мой отец ушел на встречу со своим командиром, покинув меня в темноте барака. Над головой трещали вентиляторы, бледное солнце сочилось сквозь металлические решетки. Ни одного живого солдата не было на базе, оставалась лишь я наедине с духами воинов. Остаточный гул марша и шагов – «да, сэ, нет, сэ». Размеренный ритм оружейной стрельбы.

Когда отец вернулся, он увидел, как я неподвижно сижу на кровати, скрестив ноги, и издаю низкий, утробный звук. «Для кого ты поешь?» – спросил он. Я ответила, что пою своему стражу, крокодилу Уизеру, который улыбается, сидя под кроватью, и готов со сверхъестественной скоростью выскочить оттуда, чтобы защищать меня.

Годами позже, когда я выросла и больше узнала о животных-фамильярах, меня поразило, что мой первый фамильяр взял себе имя моей самой болезненной пытки: Хрипун¹¹. Астма так стискивала мои легкие, что каждый вздох, который я пыталась сделать во время приступа, вынуждал меня хрипеть. Астма мешала мне участвовать в жизни мира. Рождество, Диснейленд, вечеринки на дни рождения – любое событие, которое заставляло мое детское сердце биться быстрее, неизменно приводило к припадку, и я сидела дома или же вяло, с синюшными губами, наблюдала со стороны, как мои друзья строили песочные замки и резвились в океане.

То, что мой страж представился именем одной из моих травм, кое о чем говорит. Используя собственные раны, я могу обрести силу и мощь. Я способна прикоснуться к древним местам. Мои раны появляются не по моей воле, но они – словно дырки от пуль в стене берегающей мой внутренний Эдемский сад. Я не могу быть признательной за эти раны, но я благодарна за то, что они позволяют мне черпать силу, которая просачивается в мой мир сквозь них.

Уизер – это свирепость. Я стою на нем как на доске для серфинга. Крокодилы соединяют нас с первобытным. Владеющие воспоминаниями, они – плавучие камни. Крокодил – олицетворение древней, взрывной силы, таящейся прямо под поверхностью сознания. В Древнем Египте Собек Яростный был одним из языческих богов и принимал облик крокодила; в соответствии с Книгой символов, он был персонификацией «способности фараона уничтожать врагов царства». Уизер тоже был яростью во плоти и явился ко мне, узнав, что мое царство действительно имело врагов. «Человек вошел в лес». Но всегда Уизер, мой страж, сидит у моих ног – апатичный ящер с взрывной мощью, свернувшейся кольцами у него внутри.

Твой жизненный опыт меняется, когда ты представляешь крокодила рядом с собой. Наполовину во сне, утомленный, голова лежит на твоих коленях, одна мощная лапа плотно обернута вокруг твоего бедра. Уизер пришел ко мне в первый раз в армейских бараках. Нашей любящей войну культуре нравится представлять, что армия – это по большей части приключения и взрывы, но в действительности основа ее – нудная бюрократическая работа: протоколы доку-

¹⁰ Волшебный спутник мага, дух, который может явиться в виде какого-нибудь животного: жабы, совы, черной кошки.

¹¹ В оригинале: Wheeser, от *wheeze* – хрип, одышка.

ментов и их тройные копии, ожидание команды в шеренгах, чистка галюнов. В этом наиболее разочарывающем месте Уизер доставил мне орхидеи. Вздываясь из болотной мглы, он принес мне комок испанского мха, крики испанцев, вопли пантер и хлопанье черепах, пылающие шары блуждающих огоньков.

Есть известный ученый муж, патриарх инцелов, который, насмехаясь, говорит, что ведьмы явились из болота – словно это может быть обидно. В какой-то мере он прав – ведьмовство *действительно* родилось на болотах. Мы, ведьмы, пришли из темных лагун, бурлящих и сернистых. Вывелись внизу из черных кожаных яиц. В основе этого болота лежит гниль истории, все изначальное, что когда-либо удалось познать. Наши знания содержатся не в компьютерных чипах, но в живом, мыслящем организме планеты, в телах растений и животных, камней, корней и дождя. Когда «Человек», колонизатор и житель замков, попадает на болота – он погибает. Но болото изобилует жизнью. Водный мир, проходимый только на лодке, болотные берега, непрерывнодвигающиеся волнами с приливами и отливами. Наше болото представляет собой бессознательное, мозг ящерицы, корневую систему, которая бесконечно расширяется под поверхностью воды. Это место, откуда произошли все формы. Если у тебя есть крокодил, значит, ты уполномочена этим местом тайн, этой опасной территорией, глубокой землей и преисподней, дикой и необузданной, ты – одна из тварей земных, что живут здесь.

Почему зов колдовства требует путешествия в преисподнюю? Почему так часто это случается в связи с травмами, болезнями, раздором? Потому что, как и шаманы, ведьмы – лекари. Чтобы стать шаманом или ведьмой, необходимо посетить подземный мир. Ты должна быть повержена. Тебе придется познать пределы своих сил и столкнуться с негласным законом: есть силы, которые нельзя увидеть или понять, силы, у которых нет ни начала, ни конца. Ты возникла из этих сил, крокодил с берега реки, и в них ты вернешься, соскальзывая обратно в течение, темное и холодное, как открытый космос.

Сегодня я все так же призываю Уизера к себе, когда исполняю свои ритуалы. Я поднимаю левую руку и рисую путь, по которому он придет ко мне из первобытных земель. Я насвистываю его код, затем хлопаю по своему бедру до тех пор, пока он не придет ко мне и не свернется у моих ног, шипя на всех тех, кто ищет возможность причинить мне вред.

Для ведьм окна воображения не закрываются с процессом взросления. Духи животных и стражи, что приходили к нам в детстве, проходят с нами сквозь всю жизнь. Даже если мы забываем о них, они ждут нашего возвращения, и вода блестит на их спинах, словно сияющее одеяло.

Наша сила не происходит от отрицания врожденного духа мира природы или от того, что мы отворачиваемся от воображения. Истоки нашей силы как ведьм – умение сплести воедино разум и магию. Мы можем работать в сотрудничестве с миром вокруг нас и с мирами извне. Наши хранители и фамильяры по-прежнему с нами, в ожидании нашего зова, и восстановить оживленный мир – это наше право по рождению.

Глава вторая. Язык птиц

1. РЕШИ КОНФЛИКТ, УСТАНОВИ ПРАВИЛА

*Распознай те земли, на которых стоим мы,
Спроси журавля, черепаху, оленя.
Убедись, что духов этих земель уважают
И только добра им желают.
Земля – бытие для тех, кто все помнит.
Тебе же – ответы для твоих детей,
И их детей, и их детей...*

Джой Харджо, «Решение конфликтов для святых существ»¹²

«Один – для печали, два на радость, три для девчонки, четыре – для парня» – мы с моей новообретенной сводной сестрой гадали на воронах, за которыми наблюдали через заднее стекло отцовского красного «Плимута». Долгие поездки по извилистым дорогам сквозь золото сельских земель, в машине, которая держалась буквально на спутанных проводах и скотче. Мы не знали, что эта считалочка была отрывком из оккультного знания тех, кто мог понимать «язык птиц». Пророки Древнего Рима устанавливали, когда спускать на воду корабли и выбирать своих предводителей, ориентируясь на направления полета воронов. Народ йоруба из юго-западной части Нигерии покрывал головы одеяниями, которые были украшены бусинами и нарисованными на них птицами, символизовавшими их предков, прапрадедов, что шептали им на ухо, давая их вождям указания. Одноглазый Один, нордический бог, мастер экстаза, поэт, прорицатель и странник между мирами, имел двух фамильяров – воронов Хугина и Мунина. Они сообщали ему новости мира и наделяли его мудростью и умением воевать. Птицы приносят послания богов. Мы с сестрой следили за птицами и шептали заклинания, но мы еще не знали, что означает «скорбь», ведь нам было всего по пять лет.

Моя сводная сестра была для меня в новинку. Мы встретились, когда мама отправила меня в Северную Калифорнию пожить полгода с отцом – она вступала в отношения и не хотела, чтобы я привязалась к новому человеку, если что-то вдруг пойдет не так. А поскольку отец упрашивал ее позволить ему чаще видеться со мной, я оказалась у него, в маленьком городке с виноградниками, называвшемся Лоди. Мой прапрадед выстроил наше небольшое бунгало на Эврика-авеню собственными руками, а умер, упав с крыши. «Эврика», – кричали золотоискатели, когда находили золото. «Эврика!» означает «я нашел!».

Я познакомилась с сестрой в первый же день в детском саду и полюбила ее с первого взгляда. Ее волосы оказались такими густыми и непослушными, что она не могла завязать их резинкой. У нее были большущие очки с толстыми стеклами, под стать ее волосам, и торчащие зубы, почти как мои. По характеру моя новая сестра была ведомой, послушной, но когда мальчик с вечными пятнами от «Кул-Эйда»¹³ над верхней губой раскритиковал мою раскраску, в которой я заходила за линии, она закатила глаза и сказала: «Да она просто творческий человек». Она вздохнула, раздраженная его тупостью, а я решила, что буду любить ее всегда.

Мы познакомили ее одинокую мать с моим одиноким отцом во время поездки на роллердром. Там, под блеск диско-шара, серенады, состоящие из трескотни розовых толстых колесиков на кожаных коньках и песни Queen of hearts¹⁴ Джуса Ньютона, играющей на повторе, и

¹² Joy Harjo. *Conflict Resolution for Holy Beings*, 2015.

¹³ Kool-Aid, порошковый фруктовый напиток, популярный в США.

¹⁴ «Королева сердец», песня в стиле кантри-поп, вышедшая в 1981 году.

начался их роман. Их любовный пакт был подписан моей кровью. Я разрисовала кровавыми полосами деревянный воцеленный пол, прежде чем сделать первый же круг по площадке. Показывая, как я умею щелкать пальцами и одновременно кататься на роликах, я окончила свой трюк в больнице с пятью швами на подбородке. Если воспринимать как знак свыше, это точно не было хорошим предзнаменованием. В итоге мои отец и мачеха развелись спустя десять лет.

Но поначалу у нас была не жизнь, а идиллия. Мой отец сочинял песни для меня и моей сестры о наших альтер-эго. Они назывались «Ласки-сестрички», и он играл их на старой акустической гитаре, пел нам, когда мы ели сэндвичи с тунцом и кормили хлебными шариками уток на озере. Утки шипели на нас и резко вскрикивали, а мы с сестрой в ответ взвизгивали и забирались на стол для пикника. И хотя мой отец громко хохотал, когда мы убегали в панике от огромных гусей с их непристойно свисающими с клюва красными штуками, я обожала его.

Он брал нас с собой навестить ранчо моей тетки в предгорье, которое кишело ужами и рогатыми жабами, а у самой тетки было целое сборище бездомных собак и маленьких котят. Мы смотрели «Звездный путь» и ели замороженный йогурт в «Медовом мишке» или проводили вечера в «Пицца-Гарден», болтая с Рэем, сморщенным старым барменом. Он кормил нас леденцами с привкусом рутбира¹⁵, а мы пытались играть на музыкальных автоматах с красными пластиковыми кнопками. Вместе, как настоящая семья, мы ходили мыть золото на ближайший ручей, по большей части находили там пирит, или «золото дураков», покачивая маленькие формы для пирогов на воде и наблюдая, как дрожат на солнце яркие блики. Пирит часто встречался, хрупкий, ничего не значащий для большинства людей, поскольку не поддавался обработке, но было здорово видеть, как он блестит в наших кастрюльках. Большую часть золота добыли в горах давным-давно.

Но самыми драгоценными для нас стали обсидиановые наконечники стрел, брошенные там индейцами Мивоки. Однажды я даже нашла такой у нас на заднем дворе. Острые инструменты из камня, говорящие об умелых руках, о глубокой истории наших земель и о людях, живших там задолго до нашего появления. Предки по моей родовой линии всегда обманывали их, принуждали к чему-либо, убивали. Чтобы найти эти реликты, все, что нужно было сделать, – это просто поскрести по поверхности земли, и вот они, едва скрываемые искусственно насаженными виноградными лозами.

В Лоди пахло овсяными хлопьями с завода «Дженерал Миллз» на окраине: запах искреннего, полноценного детства, обогащенного витаминами и минералами. По выходным отец брал меня и мою новую сестру на рыбалку ловить окуня, или исследовать сталактиты и сталагмиты в Кричащих пещерах, или в поход в Большую рощу, где мы бродили в благоговейной тишине под тысячелетними секвойями, возвышавшимися на десятки метров над нашими головами.

Мы совершали прогулки вслепую, ощупывая волокнистую кору и нюхая острые, словно булабочки, сосновые иголки; слушали топот бурундуков, прыгающих среди веток. За исключением тех случаев, когда мой отец злился и проклинал всех посетителей парка за то, что они раскидывали повсюду памперсы, или дурацкие узлы, на которые мы завязали веревку, удерживавшую нашу лодку, или ругался на нас за то, что мы не могли вытащить байдарку из кузова грузовика. Когда мы появлялись на берегу реки, в шлепанцах и купальниках, отец – в спортивных шортах, с носками, натянутыми до самых колен, и сдвинутой на затылок кепкой, мы с сестрой молились про себя, чтобы там не оказалось ни одного ребенка. Иначе нам пришлось бы удерживать его от попыток наорать на «маменькиных сынков» за то, что они едва плыли по реке, вместо того чтобы мчаться по стремнинам, как «настоящий мужик», – это то, что *он делал*, будучи мальчишкой.

Мой отец стремился стать хорошим папой, быть для нас лучше и сделать больше, чем его отец сделал для него самого. Но его тоже преследовал патриархат, жесткие правила, дик-

¹⁵ Шипучий напиток из экстрактов корней и трав.

товавшие, что человеку делать и на что он имеет право: на все. Отец знал, что ему, как главе семьи, положено обладать властью, но словно окунь, которого мы пытались поймать и никогда не могли, эта власть всегда выскальзывала из его рук.

Если бы только все вставали точно в строй: его жена, его дети, твякающие собаки соседа, – было бы намного лучше для всех. Но, как бы он ни старался, ему никогда не удавалось подчинить окружающих своему авторитету и на этом успокоиться. Наша покорность всегда была временной. Он выходил с нами в магазин, где нам хотелось заглянуть в каждый отдел, а ему – чтобы мы маршировали строем по коридору, словно солдаты. Подписчик ежемесячной газеты «Скряга», раз в несколько недель он раскошеливался и вел нас в «Сиззлер», семейный ресторан «ешь-все-что-пожелаешь». Великодушный поступок для того, кто берег каждую копейку, но нам приходилось съедать по меньшей мере по три порции, чтобы это отбивало его затраты. Я была машиной по утилизации отходов и охотно съела бы пять порций, если бы он захотел, но моя сестра с трудом справлялась даже с одной. Нам всем приходилось сидеть там и ждать ее, а она осторожно отодвигала еду в сторону и ненароком роняла на пол куски, пока никто не видел. А затем получала шлепки за то, что развела грязь.

Мой отец желал возвращения в 1950-е, когда белые подростки его городка собирали виноград, а женщины не ныли непрерывно о том, что мужчины делают не так. «Я хочу, чтобы на моем надгробии было написано: “Никогда никому не целовал задницу”», – заявлял отец. Но он забыл, что никому не нравится целовать других в задницу. Никто в действительности никогда и не принимал чье-либо превосходство. Патриархальный мир изобрел оружие из-за того, что постоянно появлялся кто-нибудь, желающий бросить вызов его авторитету, а не потому, что все по природе были покорными. Люди, животные, природа – всегда боролись за свою свободу.

Мы с моей новой сестрой обожали оставаться вместе наедине, без взрослых, которые вечно указывали, что делать и как именно это делать. Мы фантазировали, как связали бы всех взрослых, чтобы они не могли на нас нападать, а потом дали бы им часть своего разума и кинули прямо в вулкан. Мы сидели на крыльце, свесив ноги и слушая урчание лодок на озере поблизости, и грызли стебельки жимолости, пробуя языком цветочный нектар. Мы с хрустом мяли бутоны роз, сжимая их в своих детских влажных ладошках, а затем добавляли воду из шланга, чтобы сделать любовное зелье со сладким, старомодным ароматом. Хэппи Дог, квиндслендский хилер¹⁶, наша маленькая терпеливая подопечная, была любимой куклой. Мы одевали ее в войлочные плащи и представляли, что это королевская одежда. Хэппи взирала на нас, задыхаясь в своих нарядах, весь день, в то время как мы с Кристин лепили пироги из грязи, хлюпая коричневой жижей, а потом прятались в вывешенном на улице постиранном белье, свалив вину на наших альтер-эго, фей, которых звали то ли Искорка, то ли Блестка, то ли Лучик.

Мне было около пяти, когда появилась Горгона. Это случилось приблизительно в то же время, когда нам начал досаждать наш двоюродный брат, которому оставалось год или два до восемнадцатилетия. Помимо оскорблений, я мало что о нем помню. У него была влажная верхняя губа и нервная улыбка, словно он постоянно подсмеивался над какой-то шуткой у себя в голове. Одно из немногих воспоминаний: я сижу в машине, отец везет нас в поход с палатками, а мой брат прижимается своей вялой задницей к окну для того, чтобы напердеть наружу и не завонять всю машину вкупе с нами. Вот таким тактичным он был. Когда он унижал меня, он всегда спрашивал, нравится ли мне это. «Нет», – кричала я и пыталась убежать. Но его вопросы оказались риторическими. Он держал меня за руку, и его не волновали мои ответы. Он делал что ему вздумается и продолжал в том же духе. Волоча меня к старому трейлеру у подножия холма, когда мы играли в прятки, он всегда выпрашивал, чтобы мы были в одной команде, обещая шоколадки, которых я не желала, за мое «хорошее поведение». А я если я

¹⁶ Австралийская пастушья собака.

кому-нибудь расскажу об этом, *он убьет меня, он перережет мне горло, он убьет моих родителей. У меня будут проблемы, или у него будут проблемы, или у нас обоих. Меня накажут. Он попадет в тюрьму, и это произойдет по моей вине. Всегда по моей вине, в любом случае я сама виновата*, и так далее и так далее. Как обычно.

Абьюзеры никогда не берут вину на себя, они всегда пытаются переложить ее на кого-нибудь другого, особенно на детей. Он издевался надо мной, когда в соседней комнате были мои родители. Я плакала и говорила «нет», он смеялся, а моя сестра беспомощно смотрела на меня. Мои «нет» для него были пустым звуком, мои предпочтения ничего не значили. Моя безопасность, мое благополучие, мои границы. Ничего. Ничего.

Слову «нет» предполагается быть волшебным словом. Предполагается, что ты скажешь «нет» и пойдешь расскажешь кому-нибудь. Но мои волшебные «нет» ничего не означали и не имели никакого эффекта. Мой брат убедил меня, что рассказать кому бы то ни было о происходящем – значит самой быть наказанной за совершение позорных поступков.

Позорные поступки – это тесное пространство с котятками под кроватью. Или «игра в доктора» по его настоянию на моей постели. Он жестоко обращался с нами, когда мои отец и мачеха оставляли его присматривать за нами. Но в основном он предпочитал мою сестру. Она была не такой дерзкой. Мое неповиновение раздражало учителей и разочаровывало родителей, но в течение моей жизни оно спасало меня тысячи раз.

Этот мой брат забирал сестру с ее уступчивостью, достойной похвалы, в спальню родителей, а я в это время беспомощно колотила в двери так, что дрожала античная стеклянная ручка, требуя, чтобы он отпустил ее. Я сидела на краю ванны в противоположном конце зала и придумывала план побега, слушая, как плачет моя сестра, умоляя его остановиться. «Нет, нет, пожалуйста, нет», – твердила она. Мой план заключался в том, чтобы заставить его отпустить ее в туалет. Тогда мы бы закрылись там изнутри, посадили бы друг друга и выбрались наружу через окошко, а затем растворились бы в ночи. Убежали бы к озеру Луди, спрятались в зарослях ежевики с опоссумами, енотами, щенками койотов и сказочными существами. После длительного декламирования этой кампании я действительно убедилась, что моя сестра хочет в туалет, но он не позволил ей выйти, как я предполагала. Он заявил, что она потерпит или может сделать это прямо ему в рот. *Ей бы это понравилось?*

Сегодня мы слышим слова «изнасилование», «приставание», «попытка сексуального нападения» каждый день. Когда я спросила свою бабушку, как такое возможно – не быть в курсе, что мою мать изнасиловал собственный отец, – бабушка ответила, что она не знала даже, что такие вещи существуют. Не так давно изнасилование было всего лишь чем-то, что произошло в «Греческой вазе»¹⁷ или же что случается с пьяными девушками, которые ночью бродят одни в лесу.

А сейчас мы знаем, что этот вид нападений случается постоянно: дома, в церквях, в кабинетах врачей, на съемочных студиях. Но при обсуждении кажется, что это происходит так быстро, что мы должны бы так же быстро обо всем забыть. *Ее домогались...* это лишь два слова, несколько секунд речи, но на исцеление может потребоваться вся жизнь. Иногда рана не затягивается, порой даже сказывается на последующих поколениях. Всякий раз, как мы говорим о чьей-то травме, – там всегда событие с миллионом деталей и целой жизнью, полной всяческих последствий, которые она, получившая травму, таскает за собой повсюду, словно проклятое приданое, прикованное к стертой до крови лодыжке.

Создание своих границ – одна из наиболее распространенных практик в ведьмовстве. Заклинания всегда начинаются с круга. Круг – это пространство, в которое способна проник-

¹⁷ «Ода к греческой вазе» – стихотворение английского поэта-романтика Джона Китса, написанное в мае 1819 года и опубликованное в январе 1820 года.

нуть лишь любовь, место между мирами, где практикующая ведьма – исторически цель нападения – защищена и в безопасности. Очертив периметр церемониальным ножом, ведьма три раза проходит по деосилу – в направлении восходящего солнца, – чтобы создать круг вокруг себя. Она призывает стражей материального мира войти в это священное место и защитить ее: «Духи огня, воздуха, воды и земли, будьте здесь с нами!» Она призывает силу своего духа и богини всего живого. Она призывает своих животных-проводников, фамильяров, в этот круг. Здесь она возвращает свою силу. Она танцует и заставляет ее расти. Она тренируется брать с собой в мир это священное место. Она учится держать это место в чистоте и безопасности. Неудивительно, что ведьмовство привлекательно для тех, чье личное пространство попрали вторгшиеся в него. Неудивительно, что ведьмовство – такая угроза патриархальному миру. За исключением тех случаев, когда патриархия сама возводит стены между странами – бархатные шнуры за пределами вип-комнат, – она не уважает чужих границ. Ведьмы освящают наши пространства, наши тела, и делают нашу планету священной. Одна из основных практик – уметь говорить, что у тебя есть границы и ни один «Человек» их не может пересечь. Ее тело – священное место, которое нельзя осквернять.

Хорошо известная аксиома колдовства – это Тройной закон: то, что ты делаешь, потом возвращается к тебе трижды. Действия имеют последствия. Но даже краткое изучение истории демонстрирует нам, что, хотя у всех событий есть последствия, крайне редко агрессору доводится столкнуться с наихудшими из них лично. Когда твое тело привыкает к обидам и боли еще в детстве, одно из наиболее разрушительных последствий – то, что позже ты чувствуешь, словно запрограммирована принимать боль и ожидаемо совершать проступки. Ты полагаешь, что твои границы ничего не значат. Поэтому, когда ты уже слаба, твои границы в итоге уже нарушены, и ты винишь в этом себя. Тебе кажется, что даже просто упоминая свои обиды, ты всего лишь извиняешься за то, что стараешься избежать последствий собственных действий и неудач. Но этот извращенный ход мыслей – преднамеренный. Тысячелетия систематических унижений – не новость в истории. Это просто еще один способ заставить тебя поверить, что ты способна выдерживать боль, которая не имеет к тебе отношения, заколдовать тебя так, чтобы ты превратилась в канализационную крысу.

Тройной закон ведьмовства – это не столько описание всемирной правды, сколько заявление намерений: обязательство жить так, словно все твои поступки вернутся к тебе. Обязательство удерживать свою боль и трансформировать ее во что-то, что, покидая этот мир, сделает его лучше. Ведьма – посредник, в своей общине она принимает на себя ответственность за собственную боль, собственный опыт, – мы берем на себя коллективную ответственность. Ведьмы используют магию, чтобы переработать страдания во что-то полезное, что-то, что заставляет мир вокруг нас жить. Конечно, это стремление – идеал, даже не все самые могущественные ведьмы, которых я знаю, способны вести себя в соответствии с Тройным законом постоянно. Никто не рождается со знанием того, как выполнять эту работу, но, если мы демонстрируем мужество, иногда наши проводники и учителя появляются из самых неожиданных мест.

Мы с сестрой лежим на кроватях, сверчки стрекочут в зарослях только постриженной травы за нашим окном, воздух по-вечернему влажный. В то время мы выглядели как близняшки, загоревшие до черноты, с белыми полосками на коже, словно наши купальники были из скотча. Мы пошли в кровать еще мокрыми после ванны, с наших волос капала вода, а солнце было словно выбеленным, со светло-зелеными полосками. Спустя много времени после того, как звуки «Звездного пути» по телевизору стихли параллельно с храпом отца в комнате за стенкой. Мы вымотались за день, гоня на велосипедах и делая надувных кукол из воздушных шаров в библиотеке. Как и большинство детей, мы с сестрой настаивали, чтобы двери шкафа были плотно закрыты перед тем, как мы ложились спать. Но в течение нескольких дней мы замечали, что наутро двери открыты.

Тем поздним вечером двери шкафа щелкнули и с шипением открылись. «Кристин, Кристин», – прошептала я своей сестре с нижнего яруса кровати. В черной глубине шкафа стояла тень, женщина с горящими красными глазами и короной из шевелящихся змей на голове. Она подняла руку. Благословление? Приветствие? Проклятие? Она заявила на меня свои права той ночью. Медуза, змееглавый монстр греческой мифологии. Леди Теней, темный страж и воплощение Королевы преисподней. Я лежала в изумлении, обездвиженная, словно сом, которого мой отец кинул еще живым в наш сад, где он будет лежать, пока не сгниет, превратившись в удобрения. В конечном счете Медуза исчезла. Может, это был сон. Но утром моя сестра сказала, что тоже ее видела.

Реальные или воображаемые, духи, которые посещают нас в детстве, что-либо означают. Медуза приходила не просто так. В течение моей юности ей предназначено было быть моим проводником сквозь преисподнюю. Для многих из нас, ведьм, первое попадание в преисподнюю случается не по нашей воле. Там, в пещерах подземного мира, мы превращаемся в чудовищ, униженных и одиноких. Медуза была моим стражем, моим монстром, моим проводником, но мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы понять, что яд ее змеиной короны на самом деле могущественное лекарство.

Повзрослев, я поверила, что насилие случается с каждым. Потому что моя мать была жестоко обижена своим отцом, потому что и я, и моя сестра подвергались бесчеловечному обращению, как и многие другие девочки, которых я знала, потому что мой отец часто ссылался на свои собственные травмы, нанесенные ему его отцом: тот, будучи шефом полиции, зверски избивал сына, а его мать закрылась однажды в ванной, угрожая убить себя... Потому что даже мой брат, источник одной из многочисленных моих ранних травм, и тот был травмирован; потому что история наводнена насилием, потому что моя страна была на насилии основана... Травма – это обыденность. Травма неизбежна.

Греческие корни слова *травма* отсылают нас к *ране*, или *вреду*, но также и к *поражению*. Герой Персей обезглавливает Медузу, змееголового женоподобного монстра из греческой мифологии, перерезает ей горло своим алмазным мечом. Победитель стоит над своим трофеем, потрясая головой Медузы, ее корона из змей – его новое оружие. Медуза травмирована: обманута, убита, повержена. Но ее глаза на отсеченной голове по-прежнему моргают. Змеи по-прежнему извиваются. Медуза еще жива, просто ее разум отделен от тела. После обезглавливания тело и голова Медузы оказались далеко друг от друга. Ее голова осталась в плену, прибитая к щиту Афины, богини войны, и использовалась как оружие против наступающих войск. Ее тело осталось гнить там, где упало. Но, хотя я и испугалась появления Медузы, я чувствовала, как во мне восстает, поднимается ее сила. У меня было предчувствие, что мы будем вместе странствовать по свету, обезглавленные и слепые, передвигаясь с помощью чувств; неуверенные в том, какое из направлений приведет нас обратно к нам самим, а какое – всего лишь к дальнейшему наказанию.

В скором времени после первого явления Медузы мы с сестрой играли во дворе. В выдуманной нами игре я была коренным американцем, защищавшим свою уязвимую сестру-ковбоя с помощью магии. Я только пошла в начальную школу, и из истории я знала только, что индейцы помогали первым колонистам в День Благодарения и это имело какое-то отношение к индюшкам, которых мы рисовали на плотной бумаге, и к черным фетровым широкополым шляпам с медными пряжками. Индейцы дали нам кукурузу, а мы им в ответ – одеяла, зараженные оспой. Мой отец еще не отвез нас в поход по Монтане, посетить Литтл-Бигхорн, увидеть нашего отца-основателя – мужчину, стоящего ближе всех к генералу Кастеру, когда его наконец настигли последствия неистовой резни и предательства в местных землях Северо-Запада.

В нашей игре в ковбоев и индейцев мы обычно представляли, что сбежали от деспотичной семьи, злого мужа или жестокого отца, и по очереди прятались и защищали друг друга, воображая себя буйволами или любыми другими рогатыми жителями прерий. В тот день я

стояла в клевере, полном пчел, кланяясь и топая, в круговом защитном танце, а моя сестра была в боковом дворике. Я услышала суматоху над головой – хлопанье шелковых крыльев в полете. Протестующее карканье, крик битвы. Я стояла во дворе одна, глядя вверх. Стремительно мчащийся с небес зяблик преследовал ворона, черный астероид в потоке дыма и крови. Ворон упал у моих ног. Он лежал, ловя воздух, глядя прямо на меня в отчаянии, в то время как его жизненная сила утекала сквозь эбеново-черный живот. Трава измазала его кровью мои пальцы на ногах, и мои шаги оставляли красные следы.

Глава третья. Покидая храм отца

*Я хочу делать то, что хочу,
в мире, который, кажется, не хочет,
чтобы я делал то, что я хочу.
Я хочу, чтобы мне не приходилось драться.*

Эми Фуссельман, «Идиофон»¹⁸

Попробовав на вкус горький плод преисподней, я вернулась с севера и узнала, что мама обручена с Бэлой, мрачным венгром первого поколения, с которым она познакомилась в кружке писателей. С черными как смоль волосами и густыми усами, высокий, с кожей оливкового цвета, он едва разговаривал, но обожал писать пьесы. Он жил словно дерево или камень, по большей части молча. Он был драматургом только по ночам и иногда на выходных. Все остальное время он определял количество угарного газа и других токсичных веществ для окружного отдела по контролю загрязнений воздуха.

Мой в-скором-времени-отчим ненавидел быть инженером, он всегда говорил, что стать им вынудили родители. Он редко разговаривал, но, когда такое случалось, это было все, что он произносил. Его родители-иммигранты заставили его сделать практичный выбор, и ежедневно он вяло, с горечью ими возмущался. И, чтобы им отомстить, он оставил их в сельской Пенсильвании с ее светлячками, деревянным домом, от которого пахло пирогами с картошкой, со своей сестрой, их дочерью – жалкой заменой сына. Одно из моих немногих воспоминаний о сестре Бэлы: она отказалась сесть на заднее сиденье машины вместе с ним, потому что тогда их ноги будут соприкасаться. Это же практически инцест!

Бэла переехал в Калифорнию, куда люди обычно едут в поисках себя. Миссия выполнена: он был Бэла и жил на Бэла-авеню. И оказалось, что он – тот, кто пишет пьесы по выходным, а затем страдает от сизифова труда всю неделю, чтобы угодить своим родителям, живущим за три тысячи километров.

К тому моменту, когда я вернулась от отца, мама уже перевезла все наши вещи из маленького приземистого жилища в дом Бэлы на Бэла-авеню. У Бэлы был деревянный дом, винного цвета, перед ним цвела японская мушмула, позади росло дерево авокадо, терраса выходила на поле перед моей новой начальной школой. Новая школа приводила меня в восторг, поскольку ее талисманом была пантера, а я обожала больших кошек за их красоту и свирепость. А моей маме нравился Бэла – спокойный, постоянный, который не бил ее и не насиловал меня. На самом деле он был добр ко мне. У него была хорошая работа, и он занимался творчеством: писал пьесы для местной радиостанции и разрешал мне в них участвовать. Он даже сочинял роли под меня, чтобы помочь мне научиться читать.

В подвале у Бэлы была столярная мастерская, где он занимался мелким ремонтом. Он сверлил, шлифовал и возился с проводами, в то время как я пряталась в коробке в темном углу и играла с держателем для бумажных полотенец, заставляя его цокать. «Эй! Там что, лошадь? Где она?» – он оборачивался и смотрел, а я хихикала в своей коробке, а потом начинала снова, и это длилось часами. Когда я вернулась от отца, Бэла взял нас с мамой на Октоберфест, где купил нам шляпы с обвисшими полями. У моей был прозрачный изумрудно-зеленый козырек, и мне нравилось смотреть сквозь него и представлять, что все остальные – пришельцы. Они ели колбаски и кислую капусту и делились со мной острой желтой горчицей, а я грызла свой

¹⁸ Amy Fusselman. *Idiophone*, 2018.

корн-дог и смотрела влюбленными глазами на грудастых официанток в белых широких юбках и вышитых корсетах. По пути домой мы зашли в зоомагазин, и я получила целую чашку неоновых тетр для своего аквариума, новых посланников, которые присоединятся к моей Ирис. Они сверкали голубыми полосками, а я любовалась ими. Едва дыша и сидя неподвижно, я пристроила чашку между коленями и старалась не шевелиться всю дорогу домой. Но затем, только мы подготовили воду, чтобы выпустить моих новых друзей в аквариум, я слишком взволновалась и уронила чашку на ковер. Меня трясло от слез, когда я ползала по полу, стараясь вовремя спасти их, но они все умерли.

Той ночью я лежала в новой кровати, слушая шепот призраков моих рыбок. Радио включилось само собой. Я вылезла из постели, чтобы перебраться к маме в кровать, но, когда я зашла к ним, она выпроводила меня обратно в свою комнату. «Бэла не хочет, чтобы ты была с нами в кровати, милая. Он думает, что это неправильно. Я полежу здесь с тобой немного, хорошо?» – она обнимала меня и рассказывала истории, как всегда. Но, когда я заснула, она вернулась к себе в постель. Утром, открыв дверь, она обнаружила, что я сплю прямо на пороге, на полу, свернувшись калачиком, завернувшись в свое тигровое одеяло в качестве защиты. В течение нескольких лет она часто находила меня там. Мне и мизинцем нельзя было прикоснуться к их кровати. Бэла не нравилось даже то, что я заходила к ним в комнату. Когда спустя несколько лет родился мой брат, он спал с ними в постели постоянно, а я – на полу за их дверь, в изгнании.

* * *

Когда они только познакомились, мама работала гидом в Херст-Касл¹⁹. Я любила приходить с ней туда и плавать в бассейне, очерченном золотыми линиями, окруженном светлыми мраморными изваяниями – богами и героями Древнего Рима. Моя мать и Бэла поженились в Замке, перед статуей свирепой богини Сехмет с головой львицы, целительницы и воительницы, украденной из сокровищницы Египта. Сехмет председательствовала на церемонии: сама жестокость между двух финиковых пальм, одна ладонь раскрыта, другая сжата в кулак; ветер швырял золотые шарики грейпфрутов позади нее. Ее раскрытая ладонь символизировала времена мира и изобилия, а кулак приносил потопа, голод и разрушения. Согласно мифу, когда Сехмет сжала кулак, Нил наполнился кровью, словно прожилка железной руды, которая бежала сквозь молочно-белый мрамор статуи и сквозь сердце каждой ведьмы.

Когда мне было девять, мы переехали из Сан-Луис-Обиспо в Санта-Барбару, где Бэла мог зарабатывать больше, дом был бы более дорогим, хотя и ненамного лучше, а мои одноклассники стали бы еще более надменными снобами. Мои родители сказали, что в новом доме у меня будет бассейн. Когда мы смотрели дома, мне понравился один на внутренней стороне Холлистер-Авеню, где девчачья спальня была покрашена в сиреневый цвет, а над кроватью на стене был нарисован радужный единорог. Мне не заботил бассейн в доме, но сказать это значило показаться неблагодарной. Мне повезло, что у меня есть крыша над головой, более-менее собственная спальня (с единорогом или без него), и это все – куда больше, чем то, к чему имеют доступ люди, родившиеся даже сейчас. И все же тяжело, когда люди сдаются, отказываются от творческой жизни в пользу роскоши и бассейна, о котором ты не просила, но о котором они потом могут напоминать тебе с возмущением всю оставшуюся жизнь.

По правде говоря, окружной отдел по контролю загрязнений воздуха был лишь временным пристанищем для Бэлы. Пока он работал, моя мама сидела дома и писала Великий Американский Роман, а как только его продали бы, Бэла бросил бы свою работу, и мы уехали

¹⁹ Музей-усадьба, национальный исторический памятник на тихоокеанском побережье Калифорнии, примерно на полпути между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско.

бы в Кембрию, на сосновое побережье Центральной Калифорнии, и жили бы богемной жизнью, полной эстетики, среди клубящегося тумана и спаривающихся бабочек-монархов. У нас появились бы хорошо выдрессированные собаки, и мы слушали бы койотов, и шум волн, и стук клавишей печатной машинки, листая истрепанную копию «Utne Reader»²⁰ на нашем кофейном столике, покрытом патиной.

Но мы так и не попали в период Кембрии, в фантастическую эру свободы и изобилия, потому что оказались в ловушке наследия нашей семьи. Бэла всегда хотел стать драматургом, но отказался от мечты из-за бессвязного практицизма своих родителей-иммигрантов. Мой биологический отец тоже писал коротенькие рассказы, когда я была маленькой, и даже написал роман, но с годами приходил в уныние, так как он не смог добиться, чтобы роман опубликовали или хотя бы прочли. Формальные отписки, полученные от издательств в ответ вместе с возвратом манускрипта, глубоко обидели его. «Можно смело сказать, что они даже не читали», – разочарованно плевался он.

Мама также, на протяжении всей моей юности, уединялась в нашей маленькой задней комнатке, пощипывая брови и вздыхая, если я входила и мешала ей. У нее были тысячи страниц с заметками, битком набитые набросками блокноты – наметки для эпической исторической трилогии о падении культуры древних богов, которая так и не материализовалась. Я всегда чувствовала этот ужасный страх, что тоже никогда не буду способна закончить свои начинания, свои проекты, что мои творческие мечты также превратятся в серию выкидышей. Не так давно мама сказала мне, что, когда я была подростком, у нее был подписан контракт с «Биакон Пресс» на создание книги о наших традициях ведьмовства под названием «Вынужденные язычники». Я помню, что она говорила об этой книге, но я не знала, что у нее был реальный контракт. Оказывается, она так и не закончила трилогию. То она не была готова к этому, то ей требовалось больше времени. В итоге она забросила все к чертям.

Одно из предназначений магии – помочь нам освободиться от рабства кармы наших семей. У нас в семье было проклятие писательства, проклятие, которое мне в конце концов предназначалось разрушить. Желание писать и рассказывать растянуто по всей моей родословной, призрачный мицелий, расплотившийся в истории, обвившийся вокруг глоток моих предков, препятствующий нам окончить работы, высказаться, полностью реализовать стремления. Всегда что-то вставало на пути: дети, свадьбы, обиды, полиомиелит, недостаток уверенности. Наши дома были полны книг, но каким-то образом книги никогда не появлялись из-под наших пальцев.

Когда мне было восемь, оба моих родителя, мать и отец, с их новыми супругами, заимели сыновей. Неожиданно у меня появились два брата с обеих сторон, каждый из которых был куда более интересен для моих отца и отчима, чем я. У моего отчима теперь появился собственный сын, полностью его кровь. А отец клал руку на плечо моего брата и распевал: «Мой сынок, мой единственный сынок», настолько взволнованный тем, что наконец-то есть еще один мужчина, с которым можно «погонять в футбол» (плохо для отца, что мой брат с рождения распевает мелодии и куда более заинтересован в балете, чем в играх с мячом. Отец до сих пор страдает из-за этого, но я уверена, что страдания, которые он и этот мир причинили брату, намного, намного хуже).

Моя мать осознавала, что в доме своей семьи я теперь жила в изгнании, как терпимый, но проблематичный гость, и ей это не нравилось. Но она не понимала, как это изменить. У нее появился новый ребенок, не имелось диплома об образовании, а ее муж был надежным и хорошим отцом ее сыну. Она считала, что если станет для меня очень хорошей матерью, если она будет вести кружки для детей, делать нам пирожные в форме сердечек на день Святого

²⁰ Utne Reader – ежеквартальный американский журнал со статьями о политике, культуре и т. п.

Валентина, возглавлять родительский комитет в школе и шить собственноручно мне костюм на Хэллоуин, возможно, это компенсирует тот факт, что отчим не любит меня и даже не особенно хочет видеть меня поблизости, а мой родной отец больше озабочен своей новой семьей, чем мной.

Несмотря на все старания моей матери, я отставала в школе. Ученикам только начали ставить диагноз «дислексия», и я была одной из первых таких учеников. Меня засунули во все корректирующие лечебные группы, я непрерывно слышала, что я неспособная ученица с нарушениями деятельности мозга. А все остальные дети наблюдали, как я шла на занятия, где потом мы с остальными проблемными учениками сидели, застряв над математическими примерами и скучными книгами. *Смотрите, как Джейн бежит. Смотрите, как Аманда в расстройстве бьется головой об стол.* Я вела пальцем по затертым линиям под словами, стараясь их произнести. Они искажались у меня во рту, падали, твердые и тяжелые, словно камни: беззвучный, упрямый, рунический язык, вечность назад утерянный для понимания. Мне повезло: у меня была мама, располагавшая временем и желанием сидеть со мной по ночам, переставляя карточки с записями в попытках составить предложение, понять, могут ли эти каракули как-то обрести форму и смысл. Но буквы не поддавались.

Я очень любила, когда мама читала мне «Излом времени», «Мило и волшебная будка», «Остров голубых дельфинов», «Там, где живут чудовища» и «Мифы Древней Греции» Д'Олери. Я вырывала страницы из книги мифов, стараясь распахнуть ее, чтобы выпустить наружу истории. Я до боли хотела самостоятельно их прочитать, но книги оказались сложным предметом. Я могла скрипеть в отчаянии зубами и кричать проклятия, в то время как другие дети смеялись надо мной и избегали меня, но я не могла пробраться сквозь эти страницы на другую сторону – туда, где был смысл.

В шестом классе я по-прежнему была среди отстающих, все еще с «ресурсом» (словно отравленный колодец – это ресурс), но теперь уже убежденная в собственной дефективности.

Как раз перед тем, как я перешла в среднюю школу, меня перенаправили к женщине, назначенной округом, и, ко всеобщему удивлению, согласно ее тестам, у меня оказался один из самых высоких уровней IQ среди всех детей, которых она когда-либо проверяла. Мои мыслительные паттерны и нелинейные абстрактные рассуждения указывали на мою необычность и изобретательность, и в результате я должна была видеть мир не так, как остальные, а совсем по-другому. «По-другому» в этот раз означало комплимент. Дислексик обладает разумом древнего астролога. Он видит звезды на небе и собирает их в Водолея, Льва, Овна. Его мысли сливаются в общем хоре, который поет разнообразными голосами. Туманность Розы взрывается, и он знает: «теперь король падет», или «твоя удача переменится в октябре». В первобытном мире я представляла людей с неврологическими расстройствами²¹ как тех, кто нашел новые пути, изобрел новые полезные вещи, мог представить мир в другом, нестандартном проявлении.

Когда я перешла в среднюю школу, моя школьная учительница в шестом классе, мисс Йокабатас, определила меня в группу «Одаренные и талантливые ученики». За одну ночь я перескочила с уровня третьего класса на уровень колледжа. Я начала читать Вольтера, Соммерсета Моэма, книги, такие как «Опасные связи», «Золотая ветвь: исследования магии и религии»²², «Луна под ее ногами» (о жрице в храме Инанны)²³, и все прочие книги о магии и колдовстве, которые были в библиотеке моей матери: Мерлин Стоун, Риан Айслер, Звездного

²¹ Аналога даже термину *neurotypical* в русском языке нет, не говоря уже об отрицательном формате определения. NT – сокращенная форма для определения людей без неврологических расстройств.

²² Пространное сравнительное исследование мифологии и религии, написанное британским учёным сэром Джеймсом Джорджем Фрэйзером. Считается вехой в истории антропологии.

²³ Книга Клиты Кинслер 1991 года. Инанна в шумерской мифологии и религии – центральное женское божество.

Ястреба, Луизу Тейш, Марго Адлер, Скотта Каннингема. Из всего того, что случилось со мной в жизни, обучение чтению больше всего убедило меня в эффективности магии.

Однажды *смысл* показывал мне нос из-за запертой двери, а теперь, будучи ведьмой, я могу читать облака, палочки, упавшие на пол, карты Таро и чайники, свитки философии Гермеса²⁴ и постмодернистские теории. Изменяя свое восприятие, мы преобразуем наш мир. Мы привыкли думать, что магия – это «зелье-из-шерсти-летучей-мыши» и освященные свечи, когда в действительности магия – это сдвиг в восприятии, который позволяет нам открывать новые миры, новые возможности для жизни. Не убеждения других людей изменили меня в детстве, а их ободрения подспудно заставили меня поверить в себя. Вера в себя изменила меня так основательно, что будто бы поменяла нервные клетки в моем мозгу. Магия работает.

Приблизительно в то же время, когда я наконец добралась до смысловой стороны письменности, мою мать, с ее талантом писателя и воображением, затягивало все глубже на территории Богини. Она заново открывала свои корни, но уже в качестве ведьмы. Но она всегда видела свои способности как демонстрацию преданности, набожности. Ведьмовство – не набор средств для того, чтобы стать богатым или приворожить любимого, это способ почтить священную составляющую жизни: утешить страдающего, поддержать обессиленного. Это набор средств для понимания природы окружающей действительности. Ее не интересовали заклинания, хотя у нее было множество книг об этом. Позже я выучила их самостоятельно.

Страстная приверженка священной женственности, она учила меня читать карты Таро. Воткнув в землю в нашем горшке с филодендромом палочку мирры, мы позволяли дымку клубиться вокруг нас, пока его поток не превращался из прямой линии в просвечивающееся облачко: тогда она знала, что мы готовы начать. На ковре в гостиной она расстилала пестрый шелковый шарф. Она держала свою колоду карт Таро в круглой корзине с крышкой, сотканной ею лично из сосновых иголок.

«Застынь неподвижно», – говорила она мне, выкладывая округлые золотистые карты перед нами в виде арки. Я вела рукой над ними и ждала ощущения жара в центре ладони. Торопясь от предвкушения, я хотела знать, как много карт я могу выбрать. «Вытаскивай одиннадцать, но не спеши», – говорила она, показывая на места, куда класть выбранные карты. «Предвестник» был в центре, он указывал, как Дух видел меня в моей нынешней ситуации. Остальные карты дополняли рассказ, говоря о моих надеждах и страхах, моем будущем, моих принципах. «Что такого ты знаешь, о чем, как тебе кажется, ты забыла?» – спрашивала мама, когда мы рассматривали загадочные изображения: богини, завернутые в шкуры леопардов, полулежащие на зеленых полях, или жрицы, бегущие с газелями и антилопами на фоне красной глиняной горы, торжественно воздевающие к небу хрустальные волшебные палочки.

В полнолуние она собирала травы в нашем саду: ромашку, лаванду, мяту и полынь, – для чая, которым в следующий вечер угощала свой ковен: матерей, ученых, академиков, бизнесвумен, предводителей нашей общины. Они все сидели в темноте, глядя в магические кристаллы, покрывая чаши черными пятнами сажи, затем наполняя их соленой водой. Цель была увидеть «то, что скрыто за завесой», посмотреть в черное зеркало и сквозь него, в непостижимое, в «тайну», как они называли реальность Гекаты – хранительницы секретов, всего известного и неизвестного. Они сидели перед алтарем, закутанные в шелка, увешанные пентаклями, пучками пшеницы, связками ракушек, с кубками вина в руках. Лунный ковен моей матери состоял в Традиции Восстановления Северной Калифорнии. Их практики заключались в восстановлении своего тела, воображения и силы. В возврате к дикому началу. В возврате всего. Даже мира. Окруженные запахом ладана, в нашей гостиной, они бормотали, молясь Тройной Богине.

²⁴ Философия Гермеса представляет собой нехристианскую линию гностицизма.

*Рогатая дева охотница,
Артемиды, Артемиды,
Новая луна, приходи к нам.
Серебряное сияющее колесо света,
света,
Мать, приходи к нам.
Почтенная королева мудрости,
Геката, Геката,
Древняя, приходи к нам.*

Сила и голос моей матери возрастали, ведя за собой в спиральном танце сотни людей, а они смотрели друг другу в глаза и двигались по спирали к центру лабиринта, нарисованного на площадке в Элис-Кек Парк, и обратно. Она всегда располагала старых и немощных в центре спирали, чтобы они знали, насколько важны для нашей общины. Она написала пьесу под названием «Дочь Деметры» и сыграла ее перед прихожанами местной унитарной церкви. Я была слишком мала, чтобы получить большую роль, и исполняла речную нимфу, свидетельницу похищения Персефоны. Задрапированная в голубую мерцающую органзу, я падала на колени на линолеуме аудитории и робко показывала скорбящей Деметре на глубокую рану в земле, черную линию из плотного картона, в которую Гадес утащил ее дочь.

Вечерами моя мать начала вести уроки женской духовности в мастерской «Пирожные для Королевы небес». Женщины нашей общины непрерывно обращались к маме за советом, останавливали ее в супермаркете, на улице. Дорога до почты у нас занимала целую вечность, поскольку ее постоянно кто-нибудь узнавал. Иногда, если я была одна, женщины останавливали меня. «Ты Аманда, дочь Люсинды, не так ли?» – спрашивали они. И когда я отвечала, что да, это так, они менялись в лице и эмоционально заявляли: «Я люблю твою мать, она такая сильная, она так мне помогла!»

Часто мама провожала умирающих в последний путь. Иногда ей платили за организацию церемоний или помощь другим матерям в преодолении «синдрома одиночества» после того, как их дети выросли и покинули дом. Но большая часть ее трудов оставалась неоплаченной. Как и многие другие женщины, воспитатели, – она поддерживала других, но почему-то у нее не было способа поддержать саму себя финансово, с помощью своей работы, невзирая на то что она работала бесконечно. Несмотря на мое влечение к колдовству, даже страстное желание служить в качестве жрицы, как моя мама, я никогда не просила ее показать мне, как это делается. Я всегда стремилась к свободе, в то время как духовная жизнь моей матери была полна ответственности и обязательств. Мама практиковала магию, а ее жизнь оставалась тяжелой. Как такое могло быть?

* * *

Когда мне исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет, мой порочный дед начал писать маме письма. Он скрывался где-то во Флориде, мучая свою новую дочь и заставляя ее охваченную раком мать обедать отдельно, в другой комнате, чтобы она не оскверняла его трапезу. Я никогда не встречалась с этим мужчиной. Все, что я знаю о нем, я узнала из рассказов. Я пришла в студию моей матери и обнаружила ее с побелевшим лицом, читавшую письма. Я задержалась в дверях и наблюдала, как она читала, словно съеживаясь от каждой прочтенной страницы. Эти письма об отцовской любви для нее были словно морковка на веревочке перед носом у осла. Он всегда ее любил, разве она не замечала? Если она не видит этого, она не может признать, что он никогда ее не оскорблял, это все было у нее в голове, и тогда, он писал, ей надо быть осторожной. Ради меня, ради моего брата. Нам может грозить опасность.

В то время мама работала в маленьком издательстве, специализировавшемся на книгах для туристов, и очень гордилась тем, что написала об Йосемити²⁵ и Статуе Свободы. Когда я появлялась дома после школы, в предвкушении обеда, состоявшего из индейки и передач с Опррой и Филом Донахью, я закрывалась на щеколду, и мне ни при каких обстоятельствах не позволялось открывать кому-либо дверь. Если кто-то стучал, я должна была спрятаться в шкафу. Если я замечала подозрительного незнакомца, следящего за мной на улице, мне нужно было убежать от него подальше. Никогда не садиться в чужую машину. Лучше умереть на улице, быть застреленной в спину, чем сесть в машину, говорила мне моя мать. Есть или нет у них ненормальный дед, – тем не менее многие девочки слышат эти предостережения. Сесть в чужую машину – участь хуже смерти.

Неважно, какие издевательства выпали на голову моей матери от дедушки, когда она была маленькой, она всегда этому сопротивлялась. Я знала это, поскольку, во-первых, мне сказала бабушка и, во-вторых, как и наиболее травмированные люди, мама беспрестанно об этом говорила, даже не осознавая этого. Из того, что я поняла, главной целью деда было, чтобы мать в итоге сдалась. Чтобы остальные уступили его праву делать все, что ему вздумается, со своей семьей, с ней, со всем миром – из этого он мог бы извлечь для себя пользу. Но мама никогда ему не уступала. Она всегда сопротивлялась, не обращая внимания на то, как он к ней приставал или какие наказания применял. Это в ней говорила ведьма. Повстанец. Уже постарше, она могла защитить своих братьев и сестер от злобы отца. Это тоже была ведьма. Но всякий раз, как она, еще маленькая, сопротивлялась, это дорого ей обходилось. Каждая рана, каждый ущерб, нанесенный ей, заталкивали ведьму внутри нее глубже и глубже, на задворки, в темный лес ее психики. В болото. В недостижимость от земных травм. До тех пор, пока моя мать не выбралась на другую сторону и не нашла убежище в обыденности.

Маленькой, она всегда этого хотела: чувствовать себя нормальной, обычной. Ее семья постоянно переезжала, когда она была ребенком, из-за того, что ее отец играл с огнем, приставая прямо из окна к маленьким соседским девочкам, и из-за того, что он делал с ними на детских площадках. Для моей мамы обыденность означала безопасность, ее семья не была нормальной, и это заставляло ее так много страдать. Но потом родилась я, и я не была обычной, стандартной. Я тоже была повстанцем. Ведьмой с самого рождения. Изменяя правила школьной пьесы в пятом классе, потому что они были недостаточно продуманы для девочек, я крутилась вокруг лестницы и говорила: «Когда вырасту, хочу быть астронавтом» – вместо того, чтобы произнести «я хочу выйти замуж за астронавта», как приказал мой учитель. Моя мама сияла от радости, когда ее вызвали в школу из-за этого. Но хотя она и любила меня и восхищалась моей остроумностью, стойкостью и строптивостью, она часто жаловалась на мое плохое поведение.

Едва ей исполнилось тридцать, ведьма внутри нее впала в спячку. Она была измотана. Ее борьба сначала с отцом, затем с моим отцом, потом в роли матери-одиночки, потом снова, чтобы сберечь брак с моим отчимом, высушила ее до дна. И какое-то время она думала, что если просто станет идеальной женщиной, женой, мамой, дочерью, будет красивой и доброй и не примется жаловаться, тогда, быть может, все наладится. Но затем, когда жизнь стала проще и ожила, как растение (некоторые из нас называют их лекарством, а другие – сорняком), ведьма в ней снова расцвела.

Ведьмовство, как его себе представляла мама, было одним из аспектов истории женщин. Она видела свою работу ведьмой как часть все того же предназначения, как и свою работу по предотвращению насилия над детьми, по предотвращению насилия любых видов. Даже подростком она была в группе студентов «Планируемого материнства». Права на аборт и остальные права женщин делать то, что они считают нужным, со своим телом – были такой же частью

²⁵ Йосемитский национальный парк, расположенный в округах Мадера, Марипоса и Туолумне штата Калифорния, США.

системы ее духовных ценностей, как молитвы или обращения к Богине. Помощь женщинам, детям и слабым людям этого мира – уже сама по себе молитва.

Но приблизительно в то же время ее отец снова вторгся в ее жизнь, в ее браке с моим отчимом возросло напряжение. Мы никогда не знали, приверженцем чего был мой отчим, каковы его реальные предпочтения и убеждения. Если мы говорили о политике, он всегда выступал в роли адвоката дьявола, за противоположную сторону, и никогда не признавался, где в действительности его место. Может быть, нигде. Может, он был призраком. У него не было определенного места в этом мире. Их отношения с мамой стали безразличными, из них исчезла близость, желание. Он сказал маме, что им нужно оставаться вместе из-за моего брата, но он никогда не мог ее любить, потому что она отталкивала его. Ей бы стоило завести любовника, сказал он. А потом, когда мой брат подрастет, они бы расстались.

Но когда мама завела любовника, отчим был в ярости. Моя мать была грязной шлюхой. Жирной проституткой. В депрессии, близкой к суициду, мама, ведьма, сидела перед роскошным бассейном, ради которого они оба так много принесли в жертву, и намеревалась утопиться в нем. Ее любовник бросил ее. Ее брак рассыпался. Она была сломлена. Я же в тот период совсем отбилась от рук: поздние ночные поездки на мотоцикле, когда я прижималась к спине незнакомца и мы носились по горам Сан-Габриель, короткие обрывки воспоминаний о постановке в школе «Стеклянного зверинца», когда я была под ЛСД. Мне исполнилось шестнадцать, я окончила школу и начала ходить в социальный колледж. Я проверяла мамины нервы на прочность, находясь, иногда по несколько ночей подряд, вдали от дома. Я всегда соревновалась с болью моей матери. Боли было огромное количество, мама держала ее близко к сердцу; это чувство было так ей дорого, что занимало огромную часть ее личности. Мама постоянно говорила о боли. Она была так обижена, она столько страдала.

Мои страдания из-за двоюродного брата в сравнении с этим были ничем. «Я не все еще тебе рассказала, – говорила она. – Я не все сказала тебе». Но даже когда я была маленькой, я помню, что знала многое. Я знала, как ее отец заставлял делать ему минет, учил ее тому, «что нравится мужчинам». Я не помню, откуда я узнала это. Она говорит, что никогда мне об этом не рассказывала. Но каким-то образом я знала, или из-за чувства сострадания, или же потому, что, сама не осознавая этого, она регулярно делилась со мной своими травмами. Мне казалось, чтобы мою боль восприняли всерьез, она должна быть сильнее, чем ее боль, или, по крайней мере, соразмерной. Мама всегда говорила, что ее вынудили уйти из дома в шестнадцать лет. И даже потом ее отец преследовал ее, вламывался к ней в дом, резал ее простыни. Это было ужасающе, но иногда ее страдания казались майским деревом²⁶, вокруг которого она танцевала, таким смыслом жизни они были для нее, таким центром.

Викканская жрица и журналист Марго Адлер пишет: «Ведьма в женщине – словно мученица, она гонима невежественными, она – женщина, живущая вне общества и вне общественного определения, данного понятию “женщина”». Поскольку мама ушла из дома, когда ей было шестнадцать, я была полна решимости тоже уйти в шестнадцать лет. И я это сделала, за неделю до моего семнадцатого дня рождения, поселившись в молодежном хостеле на Стейт-стрит в Санта-Барбаре и разделив комнату с бездомной женщиной, у которой был мокрый кашель и которая любила слушать по радио «белый шум». Мама возражала, говорила, что не желала уходить, но была вынуждена из-за обстоятельств, сложившихся в семье. Я же, напротив, сама хотела уйти. Я родилась с желанием быть свободной. Я всегда чувствовала, что сама хочу определить направление своей жизни. Но на самом деле, желала я того или нет, особого выбора у меня не оказалось. Родительский дом развалился на части. Моя мать собиралась вернуться в Сан-Луис-Обиспо и попытаться проложить заново свой путь, а я, жуткий незванный гость в доме отчима, давно уже исчерпала возможность в нем находиться.

²⁶ Майское дерево – украшенное дерево или высокий столб, который по традиции устанавливается ежегодно к 1 мая.

Глава четвертая. Обряды крови

*В виде ворона она явилась из своего волшебного
могильного холма
и уселась на стоячий камень, распевая свои загадки:
«У меня есть секрет, который тебе надо узнать.
Травы кольшиутся. Цветы сияют золотом.
Низко склонились три богини. Ворон Морриган
жаждет крови».*

Барбара Уокер, цитата Нормы Лорр Гудрич, «Женская энциклопедия. Символы, сакрализи, таинства»

Это было золотое лето. Когда я находилась не в школе и не на работе, я проводила дни в «Эспрессо Рома Кафе» на Стейт-стрит, с остальной молодежью. Мы сидели в кругу, рисуя в блокнотах, курили гвоздичные сигареты и писали короткие рассказы в стиле Джона Фанте²⁷ и Джека Керуака. В каменных стенах кафе, под графическими рисунками обнаженных тел, созданными местным художником, я встретила баристу, Даршака, и влюбилась в него. Он присаживался ко мне за стол, угощая бесплатной чашкой мокко или латте и иногда одним из недопеченных шоколадных круассанов. Даршак обожал слушать на полную громкость стереосистемы кафе Джона Колтрейна²⁸ и «Майнор Трит»²⁹. Мы слушали их и, перекрикивая шум, обмениваясь впечатлениями о рассказах с уроков английского, которые вместе посещали в городском колледже. Спустя несколько месяцев свиданий мы с Даршаком съехались и стали жить в маленьком бунгало в виде плавучего домика, в комплексе апартаментов 1930-х годов под названием «Магнолия».

Магнолия, давшая имя комплексу, возвышалась на три яруса над маленьким сборищем домиков с садами, спроектированных фирмой «Крафтсман», и ее восковые белые бутоны опьяняли нас ароматом красоты и молодости. Еноты шныряли по траве сада, как морские чудовища по древней карте, а наше маленькое бунгало плыло сквозь зелено-голубые волны бамбука и утреннего сияния. Мы с Даршаком проводили дни, печатая рассказы на его трофее – старой печатной машинке «Роял». Он носил белую майку в рубчик, штаны цвета хаки и «конверсы», а я – «мартинсы» и купленные в благотворительном магазине на Стейт-стрит винтажные шорты и вельветовую рубашку сливового цвета, отороченную розовым сатином. Сидя на покрывале в саду, мы читали друг другу свои рассказы и ели зерновые багеты из «Дейли Брэд» с толстым слоем острого козьего сыра и дешевой черной икры, которая считалась нами вершиной морального разложения.

Родом из Тринидада, Даршак готовил карри из козлятины, когда я возвращалась домой из колледжа. Его длинные смуглые пальцы искусно нарезали морковь и лук прямо в чан с шипящим топленным маслом, пока мы слушали пластинку A Love Supreme Джона Колтрейна, а я читала ему наши любимые отрывки из Сэллинджера «Дорогой Эсме – с любовью и всякой мерзостью». Он тянулся ко мне, чтобы взять за руку, когда мы ездили на пляж на велосипедах по Олив-стрит, а шины давили спелые упавшие фрукты. Уходя на работу, он оставлял мне

²⁷ Американский писатель и сценарист итальянского происхождения. Автор романов и коротких рассказов.

²⁸ Американский джазовый саксофонист и композитор. Один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX века, тенор- и сопрано-саксофонист и бэнд-лидер.

²⁹ Американская хардкор-панк-группа, существовавшая в период с 1980 по 1983 год.

записки на коробках с едой в холодильнике, с напоминаниями, чтобы я грела обед, потому что знал о моей унаследованной от отца привычке есть холодную фасоль прямо из банки.

Поздно ночью мы занимались учебой и писали друг другу любовные записочки в «Хот-Спот», круглосуточном кафе. Оно располагалось так близко к океану, что можно было услышать шум волн, пробивавшийся даже сквозь грохот музыки, которой бариста развлекали себя в четыре часа утра. Морисси напевал: *Please, please, please, let me, let me, let me get what I want. Lord knows it would be the first time*³⁰. Иногда мы совершали вылазки в горы в предрассветный час, в сгоревший грот замка Кнаппа³¹ и наблюдали там, как молочно-голубое утро поглощало звезды. Мы надеялись, что дружелюбные пришельцы заберут нас в край молочных рек и медовых берегов, и не понимали, что уже находимся там.

Некоторое время у нас все шло довольно гладко: Даршак практиковался в искусстве эспрессо в «Рома Кафе», а я меняла множество работ, от книжных магазинов до кафе, изучая философию и историю искусств в колледже и получая бесплатные журналы, когда наш панк-рок друг Джейми работал в ночную смену в «Кинко»³². «Бог мертв, – гласили мои журналы, цитируя Ницше. – Как мы собираемся существовать?» В тот момент, казалось, мы существовали вполне нормально и без бога. Когда я покинула родительский дом, я также отдалилась от ведьмовства и поклонения Богине, которые сопровождали мое взросление. Я хотела дистанцироваться от своей матери, которая в тот момент казалась жалкой. Я видела ее Богиню и ее печальное желание, которое никогда бы не исполнилось. Я же искала путь к смыслу жизни. Я хотела найти точку, в которой сходились воображение, приключения, разум и безопасность. Место, где я могла бы пить эти смешавшиеся воедино воды и стать проявлением себя, а не благосклонности богов, богинь или кого-то еще.

Вместо того чтобы создавать себя, после лунных групп моей мамы с другими матерями и женщинами в разводе, мне казалось предпочтительнее восстанавливаться с помощью Жан-Поля Сартра, Фридриха Ницше и Альбера Камю. Им удавалось жить, постоянно задавая экзистенциальные вопросы, и при этом быть прославленными нашей культурой. Женщины из группы Луны моей мамы были феминистками второго поколения, боровшимися за право на равную оплату труда, контроль над рождением и свободу от сексуального насилия. Но они по-прежнему оставались заточенными во власти ложной политики и жизни среднего класса, которая казалась мне обескровленной и депрессивной. Когда я оглядываюсь назад, мне тяжело поверить, что тогда мне хотелось быть на стороне мужчин – на стороне команды, обладавшей мощью и наилучшими идеями. Команды, создавшей «Госпожу Бовари» и Сикстинскую капеллу. В книге «101 проблема философии» была лишь *одна глава*, посвященная всем женщинам-философам в истории, она называлась «Философия заботы»³³. Женщины, когда они могли отвлечься от своей одержимости любовниками и снабжения отпрысков молочными реками, создали философию заботы о сущем. О воспитании! Фу! Отвратительно. Однозначно далеко не так важно, как метод Сократа, логика Декарта или теория познания Иммануила Канта.

Я стала заявлять, что способность мыслить – исключительная черта людей, и говорить своей матери, что нет ни единого основания полагать, что когда-либо существовал матриархат. Мне хотелось оказаться за одним столом с Сартром. Но все философы, которых я изучала в школе, были белыми мужчинами, и стоило мне представить себя сидящей за столом вместе с ними, как я понимала, что меня они воспринимали бы не как равную и не как ученицу, но как забавное новшество: любовницу, служанку или жену, которую в конечном счете отправят

³⁰ «Пожалуйста, пожалуйста, прошу, позвольте, позвольте мне получить то, чего я хочу. Видит бог, это случится впервые» (англ.).

³¹ Руины особняка промышленника Джорджа Кнаппа в Калифорнии, близ Санта-Барбары.

³² Магазин канцтоваров.

³³ По каким-то причинам Айн Рэнд не была включена в эту главу. (Прим. авт.)

в дамскую гостиную. Тогда я еще не знала о единомышленниках: Симоне де Бовуар, Симоне Вейль³⁴, Элен Сиксу³⁵, Одри Лорд³⁶.

Одновременно с моим пребыванием в континентальной философии я получала некое виноватое удовольствие, зависая в «Парадиз Фаунд», книжной нью-эйдж лавке на Анапаму-стрит, напротив библиотеки. Позвякивающие колокольчики, поющие чаши и хрустальные призмы отражали солнечный свет. Волшебные скульптуры. Что заманчиво в движении нью-эйдж, – то делает его также и уязвимым для критики. Философия нью-эйдж говорит, что перемены бывают мгновенными и простыми и что мы можем получить желаемое, просто охватывая его силой духа или произнося правильную мантру. Более широкий социальный контекст наших желаний редко принимается во внимание. Все в «Парадиз Фаунд» было индивидуальным, и ничего – политическим. Там были кристаллы и метафорические карты с животными; а сообщения, доставляемые богами и богинями с помощью домохозяек Среднего Запада, ангелов и ангельских существ, содержали важную информацию: у наших жизней есть предназначение, цель, мы находимся под защитой, все идет согласно плану, и ангельские существа присматривают за нами и придут нас спасти и предотвратить саморазрушение.

В то время как я наслаждалась идеей о том, что где-то существует сборище ангелов, охраняющих меня, мне также хотелось жить жизнью дерзких интеллектуальных приключений, отдавая должное абсурдному и одинокому состоянию человека при полной свободе. «Я бунтую, следовательно, я существую», – провозгласил Альбер Камю. «Да!» – ответила я. Не зная, как согласовать свое желание бунта с желанием быть защищенной и окруженной заботой, главным утешением для себя я нашла занятия танцами. Иными словами, я отыскала свое пристанище в своем собственном теле. Меня также успокаивали слова Ницше: «Мы должны считать потерянным каждый день, в который мы не танцевали». В танце вопросы бытия проходили через плоть, сквозь вес и дыхание, музыку и движения. Моя учительница танцев, Кей Фултон, чернокожая женщина в возрасте около сорока лет, с жизнерадостной улыбкой и пристрастием к ковбойским шляпам, всегда говорила нам мудрые слова о том, что нужно быть уверенными в себе, занимать свое место. «Почувствуйте ногами землю. Позвольте своему телу сказать «Я есть», – поучала она нас, и этим опровергала последователей Декарта, которые предпочитали бестелесный разум.

Я получила первый призыв к колдовству, который теперь считаю обрядом крови, во время всех этих исследований взрослой жизни. Мы с Даршаком занимались сексом на диване. В целом наши любовные ласки были невинными, немного неуклюжими, но с удивительной, редкостной чувственностью. Я водила пальцем по изгибу его брови, а он зарывался лицом мне в шею так, что я чувствовала, как меня щекочат его длинные ресницы. В ту ночь наши угловатые подростковые тела создавали горы из одеял. Спустя десять минут усердных попыток Даршак, хихикая, спросил меня, не обмочила ли я постель. Спросил из-за хлюпающего влажного звука, появлявшегося, если мы двигались.

Мы откинули покрывала и обнаружили, что были мокрыми, от колен до груди, вымазанными в теплой, липкой субстанции, черной в пятнистом свете луны. Прибежав в ванную, мы включили свет и увидели, что это кровь. Как-то сразу же кровь появилась везде. Брызги на стенах, грязные мазки на полу, бегущие по душевым занавескам вниз на плитку струйки, заполняющие слив. Мы не знали, откуда она берется, я не ожидала месячных в тот момент, да и вообще они всегда были малокровные.

³⁴ Французский и европейский юрист, политик и писатель.

³⁵ Французская постструктуралистка, писательница и литературный критик, теоретик феминистского литературоведения.

³⁶ Американская писательница и поэтесса, феминистка, активистка борьбы за гражданские права.

Включив душ, мы посмотрели вниз на пенис Даршака, чтобы выяснить, не поранен ли он. Мне показалось, что я заметила там небольшую царапину; Даршак схватился за занавески, когда у него подкосились ноги. Он пошатнулся и упал навзничь и ударился бы головой о плитку, если бы я его не подхватила. Его лицо было изможденным, серо-молочного цвета. Я кричала его имя: «Даршак, Даршак» и думала, что он умер. Я понятия не имела, что делать. Не раздумывая, я выскочила из душа и выбежала за дверь, в ночной сад, взывая о помощи. Я ломилась в первую попавшуюся соседскую дверь, но никто не отвечал. Я поняла, что была голая и вся в крови. Забежав назад в наше бунгало, чтобы схватить полотенце, я увидела, что Даршак открыл глаза. Казалось, с ним все в порядке. Я забралась в ванну, чтобы попытаться вытащить его оттуда и вытереть. Но кровь по-прежнему обильно текла по моим ногам, большими комками скатываясь в сливное отверстие. Настала моя очередь потерять сознание.

Что-то во мне высвободилось. Я хотела вернуться к дикой природе. Разрушать цивилизации. Трахать женщин. Мои ненасытные аппетиты пожирали меня. Я перестала есть. Я чувствовала, что это мне не нужно. Я могла питаться солнечным светом. Его было так много, что я могла глотать воздух. Я никогда не была голодна, я больше не хотела принимать участие в жизни, установленной для меня. Я просто больше не могла. После обряда крови я пробудилась. Я в полной мере ощущала натиск и мощь моих сил, я была стрелой, выпущенной в воздух, и ветер стремительно обдувал мои острые контуры. Свободно летящая. До тех пор, пока мир мужчин не поднял свой щит. И вот моя стрела вонзилась, точно в лоб Медузы.

Со мной случилось что-то типа разрыва матки, части тела, которая по приказу общества делает меня женщиной. Я так и не узнала, почему это произошло. Мой гинеколог сказал, что это мог быть выкидыш, но проверить это не было возможности. То, что обряд крови произошел со мной во время секса, было важным событием, потому что секс – это один из путей посвящения нас во взрослую жизнь. Это была инициация, связанная с полом, сексуальностью, партнерством, материнством и, в конце концов, с моей ролью женщины.

Лоно женщины само по себе уже начало: идя в одну сторону, ты рождаешься, идя в другую – становишься существом, принадлежащим к одному из полов, «взрослым», способным к воспроизведению потомства.

Исторически во всех культурах обряды посвящения во взрослую жизнь существуют для того, чтобы показать детям их роль, которой от них будут ожидать в их обществе. Эти обряды учат молодых людей мифам их культуры, учат их тому, кто в их цивилизации имеет власть, а кто – нет. Инициация, включающая в себя гениталии, может содержать обрезание, менструации, потерю девственности и так далее: она призвана помочь детям понять свое место в мире и быть способными выполнить то, что от них ожидают в качестве взрослых. К сожалению, многих из нас обряды взросления часто приводят к несправедливостям наших культур. У тебя вырастает грудь, и обряды взросления Америки сообщают тебе, что тебя будут судить по ее размеру и остальным приятным качествам. Но зов колдовства ведет нас по иному пути. Когда ты пробуждаешься в культуре ведьм, ты призвана культурой взаимозависимостей и совместного созидания. Здесь твоя ценность не зависит от того, насколько ты сексуально притягательна, или какой из тебя продолжатель рода, или воспроизводитель рабочей силы, или можешь ли ты создавать капитал. Она зависит от того, насколько ты содействуешь процессу восстановления очаровательности мира. Наш зов ведьмовства наделяет нас всем, чем нужно, для исцеления, роста и обретения наших сил. Я могла бы значительно сократить годы смятения и борьбы за выживание, если бы была способна тогда распознать, что это был призыв к действию, а не время кризиса, которое ушло, оставив меня молить о пощаде, лежа на полу.

Приблизительно во время моего обряда крови я залезла в маленький бархатный кошелек и вытащила оттуда руну Хагалаз. Руны – это северный инструмент прорицания, инструмент из дохристианской Скандинавии, часто выгравированные на костях или камнях. Я сделала свои руны из глины, в летнем лагере, в возрасте около тринадцати лет, и покрыла их менструаль-

ной кровью. Несомненно, одна из наиболее экзистенциальных рун, Хагалаз, была почитаема Ницше. Это руна разрушения, но также руна инициации. Что-то ломается, появляется проход, и мы входим в него.

«Будь осторожна, – говорила мне моя Книга рун, – то, что действует в руне Хагалаз, приходит не извне. Ты не во власти существующего мира. Твоя собственная природа создает происходящее, и ты наделена властью над ситуацией. Внутренняя сила, которую ты накопила, – отныне твоя поддержка в жизни и проводник во времени, а все, что тебе было дозволено, теперь поставлено под вопрос»³⁷.

Я оказалась неспособна уделить должное внимание мудрости моих рун. Я была сбита с толку, дезориентирована. Вскоре после обряда крови цвета стали ярче. Красный бордюрный камень превратился в бриллиантовые полосы вдоль тротуара. Казалось, все содержало в себе некий смысл, все являлось символами, которые я должны понять, но не помнила как. Восьмиугольная форма дорожных знаков «Стоп». Звук ветра в ветвях магнолии. Каждый внешний раздражитель кричал: «Вспоминаешь? Вспоминай!» Но *что* вспоминать? Я не знала, как интерпретировать эти знаки.

Вороны начали преследовать меня. Месяцами я могла слышать «вуушшш», создаваемое черными крыльями надо мной, когда я возвращалась домой с работы или из колледжа. Эти темные стражи появлялись на перекрестках, смотрели на меня, сидя на проводах, маневрируя между телефонными столбами и верхушками деревьев во время преследования. Кланяясь и зовя, всматриваясь в меня черными глазами, ожидая ответа. Иногда они каркали на меня, и я каркала им в ответ. Один раз ворона чуть ли не выпрыгнула из собственной шкуры, стремясь добиться моего внимания. Каркая и кивая, переминаясь с ноги на ногу, ворона обращалась ко мне, и я старалась ей ответить. У меня было чувство, что меня приветствовали.

Вороны кружили над кладбищенской землей. Они садились на склепы, без малейшего уважения к умершим, выставя себя напоказ и гогоча, словно рыцари за столом. Вороны – предвестники инициации. Без смерти не может быть перерождения. Прежде чем ты сможешь стать посвященной в новый образ жизни, твоя старая жизнь, твое прежнее «я» должны умереть.

Морриган – триипостасная кельтская богиня, часто появляется в облике ворона. Иногда сливаясь воедино, Морриган известна также как Королева Фантомов и как дух-хранитель тех, кого она хочет привести к победе. Вороны-падальщики – спутники многих богинь преисподней, подбирающие части тел там, где те были похоронены или сожжены на погребальных кострах. Вороны всегда появляются возле входов в преисподнюю. Персефона, богиня-дева, была похищена и спрятана во дворце, сложенном из могил. В итоге она тоже стала призрачной королевой того мира, полноправной богиней, равной по силе своей матери – богине урожая Деметре. Девушка становится матерью, затем – старухой. Создательница, хранительница, разрушительница.

Геката завершает триаду в иной форме тройственной богини. Она и есть старуха, странница между мирами – между верхом и низом, жизнью и смертью. Геката – древняя богиня магии и колдовства, хранительница всех знаний и опыта. Она стоит на перекрестках, окруженная своими воронами-фамильярами. Коварные и умные, эти птицы умеют планировать, использовать свои собственные инструменты и остаются дикими и неприрученными даже в самом сердце города.

Роняя свои сверкающие сокровища в наших дворах, помечая территорию, они обращаются друг к другу, сидя на деревьях. Резкие, отчетливые крики, гортанное предупреждающее карканье. Вороны приносят мудрость и предостережение. Вороны позвали меня, и я попыталась последовать за ними. Они будут пировать и смеяться над останками моей прежней жизни.

³⁷ Из «Книги рун» Ральфа Блума. (Прим. авт.)

Они будут хлопать, и каркать, и кружить над проходом в преисподнюю, материализовавшимся передо мной, а я сделаю первые шаги к ее голодной пасти.

Пытаясь обрести равновесие, успокоиться, я установила для себя режим посещений бесплатной акупунктуры в некоммерческой реабилитационной клинике по средам. Я употребляла наркотики не больше чем любой другой среднестатистический тинейджер, а эта процедура предполагала успокоение, и иногда она ненадолго срабатывала. Я пыталась выбить дешевую психиатрическую помощь через свой колледж, но там уже был длинный список таких, как я. Я цеплялась за занятия танцами в надежде, что они помогут мне вернуться в мое тело. Я не танцевала с тех пор, как была ребенком, но вскоре начала жить ради этих занятий. Дошло до того, что я была счастлива только во время танцев, покачивая плечами и выполняя джазовые скольжения по полу под песню Low Rider группы War: «Low rider knows every street, yeah... take a little trip, take a little trip and see»³⁸.

По-прежнему, в различных формах, я ощущала зов, звучащий громче и громче. Его невозможно было игнорировать. Какой-то женский голос звал меня по имени. Женщина кричала, звала на помощь. Первый раз, когда я услышала крик, я была в нашем маленьком домике и читала. Отложив книгу, я стала искать, откуда доносится крик. Я подумала, может, у кого-то из соседей проблемы, но не могла найти, у кого именно. Поначалу я слышала крики, только когда оставалась одна дома, и иногда промежутки между ними растягивались на несколько часов или даже дней. Но в итоге слышала крик, даже когда Даршак был дома. Я рассказала ему об этом, спросила его, не думает ли он, что кто-то с кем-то жестоко обращается. Но он никогда ничего не слышал, даже когда мы вместе стояли и прислушивались. Я слышала все так, словно это происходило в соседней комнате. Я спросила его: «Ты слышишь это?» Он в ответ отрицательно помотал головой, а его карие оленьи глаза прищурились озабоченно, и его оленья душа испугалась, начиная отдаляться от меня.

Людам бывает довольно тяжело принять тот факт, что у их партнера насморк. Иногда может показаться, что они специально шмыгают носом, чтобы раздражать тебя. Поэтому я могу лишь представлять, как себя чувствовал семнадцатилетний парень, девушка которого слышит голоса, мечется между экстазом и отчаянием и нервно восхищается воронами, которые пытаются с ней общаться. Я была напугана. Я была настроена воинственно. Мы оба знали, что наше лето любви закончилось.

Даршак уехал. Он вернулся в дом своей матери, полный расписанного вручную фарфора и книг в кожаных переплетах. Голоса, которые я слышала, говорили мне, что где-то есть женщина, попавшая в беду, и сейчас я знаю, что этой женщиной была я. Но в то время, в своих видениях и посланиях, как и в реальной жизни, я не могла разобраться, как ее спасти. Вместо того чтобы ей помочь, я переехала. Я надеялась, что если уеду, крики прекратятся. Я переехала из нашего маленького домика с садом в деревянный сарай на заднем дворе какого-то незнакомца на Сола-стрит, чувствуя себя как «Сюзанна» Леонарда Коэна: полусумасшедшая девочка, спрятавшаяся между мусором и цветами.

Вороны подают сигналы о периоде разрушений. В мои пять лет, когда ворона с хриплым криком упала с неба мне под ноги, мой мир следом разбился на части. Но хотя первую ворону и можно расценивать как предзнаменование, знак того, как много насилия моя природа богини переживет перед тем, как будет способна восстановиться, это не было официальным призывом к ведьмовству. Потому что ребенком я была недостаточно взрослой, чтобы ответить на него. Наш настоящий призыв приходит, только когда мы можем ответить на него по собственной воле. Если мы сможем распознать этот призыв, понять, что это, мы сможем также обнаружить,

³⁸ «Лоу Райдер знает каждую улицу, ага... прогуляйся, прогуляйся и взгляни...» (англ.)

что наши испытания даровали нам ключ, который поможет освободиться из преисподней и помочь остальным сделать то же.

Геката стоит в том месте, где сходятся три дороги. Как богиня в виде старухи, символ возраста и опытности, наиболее относящаяся к реальности, она говорит тебе: «Когда все сломано, у тебя по-прежнему есть выбор». Ты можешь выбрать дорогу, ведущую глубже в твои травмы, всаживающие в тебя нож, пока он не убьет тебя; ты можешь уйти прочь от ножа, прочь от риска и, вероятно, от любых чувств в принципе, выбирая жизнь большинства и надеясь, что сильные мира сего не заметят и не тронут тебя; или выбрать третий путь – тенистую звериную тропу, выбитую по краю скалы, наполовину заросшую лозой, тропинку, по которой тебе придется двигаться в одиночку, медленно и с трудом.

Тогда я не распознала громкое карканье Гекаты как призыв к посвящению. «Уничтожь ростки патриархата, которые захватили твой разум, – говорили мне ее вороны. – Не давай им пощады. Выбирай чистые кости». Эти требования были фанфарами, которые инициировали начало моего путешествия. Но множество других посвящений ждало меня перед тем, как я легко научилась понимать язык птиц, родной язык оккультных посвящений.

Глава пятая. Входя в преисподнюю

*Однажды я спущусь в преисподнюю.
Когда я прибуду туда,
оплакивай меня на рассыпавшихся могильных
холмах.
Бей в барабаны в святилище.
Обойди по кругу дома богов ради меня.*

Из «Нисхождения Инанны в преисподнюю», ок. 1700 г. до н. э.

Инанна, Королева небес, шумерская богиня с волосами цвета воронова крыла, богиня магии и могущества, путешествует по преисподней, чтобы спасти своего возлюбленного Думузи. Это один из старейших мифов об обряде инициации в существующей истории. Инанна Мудрая появляется у врат ада, готовая к приключениям. Она идет туда по своей воле. Она спускается под землю, в историю, где хранятся все летописи, и рассказы оставляют в поверхности земли шрамы, как вода в камне. Ведя пальцами по стене, она чувствует запах разлагающихся листьев, шорох летучих мышей за камнями. Она слышит свою сестру, демона Эрешкигаль, беснующуюся глубоко под землей, в жаровне вулкана. Бывшая богиня всего мирского, под влиянием патриархального мира Эрешкигаль превратилась в тень Инанны, пониженная в должности. Уродливая, гниющая в своем дворце из зловонных могил, сидящая одиноко на троне между сталактитами, роняющими минеральное молоко в лужи кровавой глины.

Чтобы противостоять своей сестре-демонессе и спасти любимого, Инанна прошла через семь врат ада. Каждые врата требовали жертвоприношения. Первым был ее инкрустированный лазурью меч. Потом бронзовый щит. Хранители ворот забрали у нее золотые браслеты и окрашенные хной одежды. Они требовали ее серебряный пояс, медную корону, даже черный уголь, которым были подведены ее глаза. «Не спрашивай о путях преисподней», – приказывали ей хранители. Каждая вещь, забранная стражами, символизировала собой кусочек власти, которой обладала богиня, ее положения в жизни, ее могущества. Когда все было потеряно, Инанна попала в яму в центре ада, раздетая и беззащитная. Ее сестра превратила ее в кусок плоти, протухший и висящий на крюке в стене.

Тысячи лет историю Инанны рассказывают и пересказывают. Имя ее претерпело изменения сквозь века. В Ассирии Инанна стала смелой Иштар, несущей свет воительницей, требующей пройти сквозь врата смерти под угрозой «разбить их и выпустить мертвых на поверхность земли, если ее требования откажутся выполнять»³⁹. В библейские времена Инанна стала Саломеей, исполняющей танец с семью покрывалами, чтобы получить голову Иоанна-Крестителя на блюде. В Греции, после триумфа патриархата, – Персефой, богиней преисподней, невинной похищенной девушкой, которую насильно забрали под землю и превратили против ее воли в королеву. История спуска Богини в преисподнюю всегда отражает ценности времени и культуры, в которых про нее рассказывают. Всегда в этих рассказах происходит битва с властью, сексом, смертью и священным таинством регенерации.

Снова и снова наши богини отправляются в подземный мир. Опять и опять мы погружаемся в наши собственные жизни. Почему мы постоянно пересказываем эту историю? Преисподняя – это место, где мы стоим против травмированной, изгнанной части самих себя. Той составляющей, о которой мы забыли, которую спрятали или не хотим видеть. Мы стоим против монстров наших культур, частям, требующим внимания и заботы. Мы спускаемся в

³⁹ Patricia Monaghan. *The Book of Goddesses and Heroines*, 1981.

преисподнюю восстановить целостность нашего рода, вытащить его из лап тех, кто отобрал его у нас. Иногда забирающие – это наши родственники, наша кровь, наша Эрешкигаль, мы сами.

В мифах Богиня страдает, но, поскольку она бессмертна, ей предстоит много приключений в будущем. Когда эти посвящения в преисподней происходят с нами, нет никакой гарантии, что они закончатся удачно, и правильный выбор пути редко когда четок и понятен. Богиня, которая дремлет в нас, знает дорогу, но наша человеческая часть может потеряться. Словно птицы во тьме пещеры, мы преследуем солнечные зайчики, думая, что это дневной свет – когда это лишь блики, отражающиеся от поверхности воды, а подземные реки ведут нас глубже в лабиринт, к раскрытым ладоням монстров, живущих там.

После ночи крови я стала восприимчивой к течению времени. У меня было чувство изолированности, потребности сбежать. Все казалось назойливым. Работа в кафе, которая мне раньше нравилась, стала невыносимой. Раньше меня привлекали запах жареного чеснока в булочках и процесс приготовления капучино, когда ты медленно вспениваешь молоко снизу вверх, не позволяя пару слишком сильно подогреть его, чтобы пузырьки были крошечными и медленно таяли. Я писала загадки на меловой доске, украшая их сложными витиеватыми узорами из цветов, вызывающими улыбки у постоянных клиентов, и угощала их бесплатным кофе, когда им удавалось отгадать загадки. Но после обряда крови, приведшего к моему разрушению, преследуемая криками, воронами, сломленная, живущая в сарае, изгнанная из семьи, питающаяся в основном круассанами двухдневной давности, однажды я сломалась окончательно, когда делала сэндвичи.

Это случилось спустя неделю после моего восемнадцатого дня рождения. Размазывая ложку за ложкой салат с тунцом по чабатте, я почувствовала, как утекают часы моей жизни. Я увидела болезненность нищеты и однообразия, перетекающее в смерть: здесь, в такой прекрасной жизни, я оказалась в ловушке этой кафешки с ее сэндвичами, в бесконечном будущем, состоящем из чабатты, и ключей от туалета, и сокрушенности. С постоянно дразнящими меня парнями, которые работали со мной и которым казалось, что они должны занимать место супервайзера вместо меня, с сексуальными домогательствами повара, норовящего вечно зажать меня в угол и поцеловать. Меня расстраивали даже мелочи: грубый клиент, кофе, разлитый по барной стойке. Я пинала швабру, била по стенам кулаками, а потом, всхлипывая, свернулась клубочком на полу рядом с посудомоечной машиной на кухне. Несколько человек из тех, с кем я работала, окружили меня, стоя молча с широко раскрытыми глазами, не зная, что им делать, пока один из них не сказал: «Отправляйся домой, Аманда. Тебе просто нужно пойти домой. Пойти и отдохнуть». И я пошла, обратно в свою лачугу на Сола-стрит, окруженная компанией ворон, которые сидели, болтая друг с другом, вокруг моего дома. В кафе я уже не вернулась.

Стоимость аренды жилья в Санта-Барбаре тогда была такой же возмутительной, как и сейчас. Моя восемнадцатиметровая хижина на Сола-стрит, пронизанная растущими сквозь стену виноградными лозами, с раскладушкой вместо кровати, с грязным полом, висячим замком вместо полноценного дверного и санузлом только в хозяйском доме, обходилась мне в 450 долларов в месяц.

Даже потеряв работу, я была счастлива, что здорова, принадлежу к своему полу и, по меркам общества, привлекательна. Не имея я этих незаслуженных привилегий, не знаю, что бы со мной случилось, поскольку ходить на обыкновенную работу и при этом переживать трудности, вызванные психическим заболеванием, оказалось для меня невозможным. Если у меня нет работы – я не могу платить аренду и не могу есть. Что случается с людьми, у которых нет таких преимуществ, как у меня? Тем не менее у меня не получалось продержаться восемь часов подряд – приблизительно сорок часов в неделю, плюс полноценное время учебы. Я еще не при-

обрела навыки, способные помочь мне обеспечивать себя. Вместе с тем, однако, у меня был вкус к жизни, страсть к приключениям, к путешествиям, к сочинению стихов. Мне хотелось чувствовать себя в безопасности, и одновременно я была призвана исследовать свои скрытые глубины, испытывать себя, посетить место, где все еще жили ведьмы.

Наша жизнь часто определяется выпадающими нам случайными встречами. Бетани, девушка, с которой я работала в кафе, приходила туда всего раз в неделю, чтобы скрыть от отца, что работала стриптизершей. В то время в Санта-Барбаре не появилось стрип-клубов. Вместо этого приходилось присоединиться к службе, в которую звонили мужчины, и затем ездить по отелям, исполняя «приватный танец».

Запретные и заманчивые, немного опасные, такие, против которых невозможно устоять, стриптизерши появлялись в фильмах и на телешоу: они были броскими и скверными, принимая деньги, которые мужчины швыряли в них. Мысль стать одной из них казалась мне невозможной, я никогда не рассматривала ее всерьез. Помимо этого, я еще с первого класса знала, что стану объектом сексуальных домогательств для мужчин. Казалось логичным, что раз уж мне придется страдать от них, то это должно хотя бы оплачиваться.

Если бы я не встретила Бетани, сомневаюсь, что стала бы стремиться к подобной работе самостоятельно. И потом, меня беспокоило, что, если я стану стриптизершей, я превращусь в наркоманку, стану циничной, мерзкой. В Бетани этого не было. Светловолосая и жизнерадостная, казалось, она должна бы работать в сфере обслуживания и играть в волейбол. Она дала мне номер парня, владельца сервиса по оказанию стрип-услуг, но перед тем как позвонить, я спросила у нее: «Тебя это изменило?»

Бетани пожала плечами: «Все тебя меняет». Собеседование в основном заключалось в том, что Джереми, владелец бизнеса, приехал к моему окруженному воронами сараю. Джереми, одетый в джинсы и толстовку оверсайз, разговаривал со мной о том, как мне стать стриптизершей, но это больше напоминало болтовню с барменом о бейсболе. Джереми был практичным: «Я или один из моих ребят сопровождают тебя до дверей. Клиент дает мне деньги. Ты в безопасности, потому что он знает, что мы с тобой, прямо за дверью, и у нас деньги до тех пор, пока ты не выйдешь. Ты просто заходишь, исполняешь небольшой танец. Делаешь парню массаж. И все. 415 долларов за час, ты получаешь 315 из них, а как заработать сверх того – это уже зависит от тебя».

Я считала, что если кто-то даст мне чаевые, то они мои. Позже выяснилось, что он не это имел в виду.

Но, так или иначе, 315 долларов за час такой работы было больше, чем я зарабатывала за сорокачасовую рабочую неделю в кафе. Я сказала Джереми, что готова попробовать, и он ответил: «Отлично. Мне только надо увидеть твою грудь».

Я сидела на краю своей кровати, босиком, в рыжих брюках-клевш и майке с маленькими желтыми цветочками, с челкой, убранный под аляповатую пластиковую заколку с цветами. На миг я задержалась, взвешивая ситуацию и пытаюсь определить, угрожает ли мне опасность. День был в самом разгаре, я слышала стук молотка соседей и звон посуды, которую мыли на кухне дома в нескольких ярдах от меня. Я задрала майку и оголила грудь. Джереми безразлично кивнул. Моя грудь была маленькой, но пригодной к эксплуатации. Джереми оставил на моей книжной полке пейджер и сказала, что позвонит, когда появится клиент.

Два дня спустя Джереми сбросил мне сообщение на пейджер, сообщив, что у него есть один такой, несложный для моего первого раза.

Мы прибыли на парковку возле Мотеля 6 в Голете уже в сумерках. В дороге я чувствовала себя уверенно. Я ездила мимо этого мотеля бесчисленное количество раз по дороге в школу, он был напротив «Тако Бэлл», где я намазывала себе буррито с фасолью и огромным количеством специй перед тем, как после школы отправиться на работу, где я заполняла конверты.

Сонно клонясь к горизонту, солнце шептало сквозь пальмы – розовый электрический свет в горячем соленом морском воздухе. Я сидела, прилипнув к сиденью автомобиля, на коленях – бумбокс, стекло опущено; и наблюдала за девственно белой цаплей, исполнявшей балет в камышах возле соседней парковочной площадки. Джереми возился со своим пейджером. Он не сказал мне ни слова в течение всей поездки. Казалось, ему не хотелось сблизиться со мной. Но наконец он мне улыбнулся, слегка толкнул меня в плечо и спросил: «Ты готова?»

Я прижала бумбокс к груди, словно щит, ощущая его тяжесть и целостность. Джереми уже вылез из машины и стоял рядом, ожидая, пока я выберусь, чтобы затем закрыть машину.

– Еще раз, что я там должна делать? – спросила я его.

– Пол – постоянный клиент. Он неплохой парень. Тебе с ним будет просто. – Джереми обошел машину и закрыл мою дверь на замок.

Мой желудок ухнул вниз. Мне хотелось задать ему больше вопросов. Я по-прежнему не понимала, что должно было происходить. Я старалась себе это представить: «Танец-вспышка», Дженнифер Билз⁴⁰ поднимается на сцену в костюме из восьмидесятых и на шпильках, снимая и вращая над головой свою одежду, словно Чудо-женщина⁴¹, обливая себя ведрами воды, встряхивая насквозь мокрыми волосами и ударяя каблуками по полу со всей яростью и эротизмом, которые эта божественная женщина сдерживала в себе столетиями. Я воображала себе что-то вроде этого.

– Не надо делать из этого проблему, – сказал Джереми, тряхнув головой и заявив, что я напоминаю ему его подружку. – Все пройдет настолько спокойно, насколько ты сама хочешь.

Я глянула вниз на свою обувь. Пока я не могла себе позволить купить новую пару просто так. У меня не было туфель на каблуках – я просто их не носила – поэтому я сделала все, что могла: обула потрепанные льняные эспадрильи на танкетке. В своем фиолетовом летнем платье с узором пейсли, бледным, как луна, лицом, неаккуратно подстриженными черными волосами и помадой рыжего оттенка из девяностых, я выглядела так, словно пережила самый неудачный день на пляже.

– А ты будешь снаружи? – Я представляла, как он стоит за дверью, скрестив руки: солдат, защищающий нечто очень ценное.

– А ты – та еще нервная особа, не так ли? – фыркнул Джереми.

– Неправда! – соврала я. Разумеется, я была крайне нервной. Я постоянно находилась на грани, всегда готовая сорваться.

– Я буду в машине, – ответил он.

* * *

Комната Пола была на нижнем этаже, под номером пять. Пять, число предательства и борьбы. В нумерологии пятерка символизирует собой человечество. Джереми постучал, и мои внутренности сжались, скользкие и вздутые, словно дрожжевое тесто. С колотящимся сердцем я взялась за ручку бумбокса, мои пальцы хрустнули и побелели. Пол со скрипом открыл дверь, и я ощутила порыв воздуха из кондиционера. Он стоял в полутьме, как тень, полностью голый, за исключением неряшливых беловатых трусов. Ниже меня на несколько дюймов, но загорелый, коренастый, он выглядел сбитым с толку и уязвленным. Его карие глаза были красными и колючими, а волосы, темные и редкие, зачесаны назад. Пол сунул Джереми комок бумажек правой рукой. Его левая шевелилась у него в трусах.

⁴⁰ Американская актриса, наиболее известна благодаря главной роли в фильме 1983 года «Танец-вспышка», которая принесла ей номинацию на премию «Золотой глобус», а также Бетт Портер в телесериале «Секс в другом городе».

⁴¹ Вымышленный персонаж, супергерой комиксов издательства DC Comics.

Он мастурбировал. Уже. Когда я это увидела, весь дух «Аманды» просто испарился. Я стала пустой, безразличной: автоматический мозг ящерицы, опирающийся на инстинкты. Мне хотелось призвать Уизера, моего фамильяра. Хотелось, чтобы я знала, как это сделать. Хотелось чувствовать себя устойчивой и собранной – то, в чем ведьма практикуется ежедневно, когда призывает свою душу полностью воссоединиться с телом, когда она представляет себе, как пускает корни к самой середине земли. Мне хотелось создать каменный щит или использовавшуюся Королевой Мечей способность к проницательности, спокойной и ледяной. Но я не могла ничего из этого. Я не знала как.

Как мне говорили в начальной школе, я медленно учусь. И по всему выходило, что часто мне приходилось чему-то учиться на собственном горьком опыте.

Несомненно, в комнате Мотеля 6 под номером пять жил *вред*. Почему я попала прямо в него? Я могла бы развернуться и уйти. Я могла бы сказать: «Нет, это не для меня». Но я не сделала этого. В глубине души я понимала, что это как раз-таки для меня. А знала я это, потому что причинение вреда было моей участью еще в раннем, уязвимом возрасте. Это оружие застряло в моем сердце, когда я росла. Оно обросло мной, но по-прежнему лежало там, похороненное, манящее, привлекающее. Но это оружие было не только моим – наследие, переданное мне сквозь поколения. Мой дед вонзил его в сердце моей матери так, что оно коснулось ее позвоночника, коснулось ее предков и моих. Можно было бы пойти по пути этого раненого сердца назад аж до Европы, до Инквизиции, до крови, которая лилась на разбитые алтари богинь Вавилона.

Пол открыл дверь пошире, но я стояла за порогом, заглядывая внутрь. Казалось, я все это уже видела раньше. Каждый мотель выглядит одинаково – неубедительный набор мебели, приносящий уютным, в то время как стены готовы обрушиться в любую секунду и открыть... что? Пустоту. Ничто. Никого. «Входи», – взмолился Пол. Он схватил меня за запястье и затолкнул внутрь, дверь за ним закрылась автопроводчиком.

Все в этой комнате было липким и влажным, кондиционер зло вибрировал в углу. Я поставила бумбокс возле телевизора, пока Пол включал лампу и суетился вокруг, переставляя с места на место пивные банки и разгребая бумажки.

– У меня есть «скорость», если хочешь, – он махнул рукой в сторону двери в ванную комнату. – Она в туалете.

Я вытянула шею, чтобы заглянуть туда. На бачке лежал маленький пакетик с липким желтым порошком, шприц для подкожных инъекций, и с края свисал жгут – жуткий, толстый, сделанный из резины тошнотворного сопливо-зеленого оттенка.

Я была в комнате отеля с мастурбировавшим незнакомцем. Пол предложил поделиться шприцем, чтобы я могла уколоться. Молча, с пересохшим горлом, я помотала головой и сфокусировалась на своем бумбоксе, стоя поближе к нему, словно это был мой якорь или телепорт, что-то знакомое, родное. Я держала в руках пленку, надеясь, что музыка будет громкой. Магнитная лента истончилась от постоянного слушания: Эдди Брикелл, The Violent Femmes, Тори Амос, Depeche Mode, The Cure. Я хотела, чтобы меня окружали *мои* люди. Я хотела услышать, как Тори Амос поет: «Она – девочка для всех остальных, может быть, однажды она будет для самой себя», словно она была рядом со мной и понимала меня.

Я обвела комнату взглядом. Телевизор на дешевом комодике из шпона. Складной походный стол в полоску, и походный рюкзак на нем. Банки из-под пива и энергетиков. Пол стащил с себя трусы так, что они болтались на его лодыжке, как зверек, которого он ударил ногой и убил. Он распластался по центру кровати, держа свой вялый член в руке, а над головой его висела напечатанная картина с сельским пейзажем. Пятнистый солнечный свет, мост. Это напомнило мне об одной из очень популярных книг в букинистическом магазине, где я работала – «Мосты

округа Мэдисон»⁴². Сто шестьдесят четыре недели в списке бестселлеров. Дошло до того, что, если в магазин заходили женщины средних лет, я просто тыкала пальцем в направлении полки с бестселлерами и говорила: «Это там». Они всегда хотели одного и того же. Быть по-настоящему любимыми. Быть действительно замеченными. Если у них этого не было, они хотели хотя бы об этом прочитать. Справедливо.

– Наверное, я... Хочешь, чтобы я начала? – спросила я.

Стиснув зубы, с шеей, напряженной, как у лошади, Пол сказал:

– Да, да, давай, вперед. Я собираюсь просто полежать здесь и передернуть, я обычно так и делаю. Не парься, у тебя все отлично получится.

Он откинулся назад и сделал жест рукой по кругу, означавший «делай то, зачем пришла». Поначалу он даже не смотрел на меня. Он дергал себя за член, но не мог его поднять.

– Это все наркота, – пояснил он, извиняясь. Я наклонилась нажать кнопку на бумбоксе. «Yeah, I like you in that, like I like you to scream...» – заунывный голос Роберта Смита пропел и затих. Мой бумбокс выключился. Я потрясла его и достала пленку, перевернула ее и включила снова. Нажала еще несколько кнопок.

– Не работает, – сказала я Полу. Может, это означало, что мне надо уйти. Я не могла танцевать. Я должна просто уйти.

– Не парься, – он улыбнулся. Не прекращая своих попыток мастурбировать, свободной рукой он тыкал в пульт телевизора, пока не нашел MTV. R'n'B-певица, Des'ree, появилась в черном костюме свободного покроя с военными пуговицами. Маршируя на плоской белой площадке, она указывала на меня, словно была Дядей Сэмом, демонстрирующим меня всей нации: «Ты должен быть плохим, ты должен быть дерзким, ты должен быть мудрым и должен быть резким, ты должен быть сильным, ты должен быть жестким...»

По сей день я не могу слышать эту песню, не вспоминая тот первый раз, когда я танцевала стриптиз в Мотеле 6 на Холлистер-Авеню.

В течение следующих нескольких лет во мне появилось и крепло ощущение того, что это именно то, чего мир хочет от меня, что это та роль, в которой он меня видит и ценит. И я обязана нажить капитал на том, что предлагается преимуществами моего пола, и на своей сексуальной привлекательности. Я должна перестать плакать. Я находилась на враждебной территории. Мне нужно делать все, что могу, чтобы выжить. Мой пол призван на войну против их пола. Я знала, что у моей стороны невыгодное положение, но я буду бороться так, как только смогу. Я говорила себе, что многие люди находились в худшем положении, чем я. И я была права. Даже в такой ситуации, по сравнению со многими другими, мне повезло.

В надежде на то, что танцевальные движения придут ко мне сами собой, я попыталась сделать несколько па из начальных занятий по джазовому танцу в колледже, двигая плечами вверх и вниз. Пола не волновало, что я делаю. Сопя, с потным лбом, он издавал такие звуки, словно что-то его царапало изнутри. Я, извиваясь, прошла мимо него и, кружась, подняла подол своего платья. Развязав бретельки на плечах, я позволила платью упасть на пол и стояла топлес в хлопковом кружевном белье из «Миллер Аутпост»⁴³. Я взглянула на Пола, он вроде одобрял, кивая и скрипя зубами.

– Да, да, да, – пробормотал он, словно пытаясь убедить самого себя. Я стянула трусики, но они запутались в босоножках. Тогда я присела и, ерзая, сняла и обувь. Когда песня закончилась, я стояла голая, и мои босые ноги прилипали к загадочным пятнам на ковре у кровати. Не продлившись и полную песню, мой стриптиз занял всего три минуты.

У меня еще оставалось пятьдесят шесть минут.

⁴² Книга Уоллера Роберта Джеймса, считавшаяся крупнейшим литературным феноменом Америки.

⁴³ Miller's Outpost – крупный американский ритейлер одежды.

Проблема моего первого стриптиза была в том, что я ожидала конца света. Какая-то часть меня полагала, что я войду в эту комнату, сниму свою одежду, и земля разверзнется, и грянет гром. В меня ударит молния. Но никакого катаклизма не случилось. Моя одежда была на мне, а потом не на мне. «Все меняет тебя», – говорила моя стрип-наставница Бетани. Мы ожидаем, что перемены будут мгновенными. «И с того самого момента все стало по-другому...» В нас живет мысль о том, что, когда табу нашей культуры нарушены, мы тоже ломаемся. Но как-то, невероятным образом, даже когда все ощущается разрушенным и безнадежным, жизнь продолжает идти своим чередом.

То, что случилось дальше, расплывшись, слилось воедино.

– Почему бы тебе не сделать мне массаж? – предложил Пол. – Обычно это то, что они делают. Иди сюда.

Я подошла к нему. Он схватил меня за грудь, но я сказала нет.

– О, хм, обычно они мне позволяют. – Он схватил меня за руку и попытался уложить на кровать. – Позволь мне трахнуть тебя, – взмолился он.

Я отказала. Он огрызнулся:

– Вы, бабы, всегда так говорите. В следующий раз я спрашивать не буду, я просто это сделаю.

У меня не было времени раздумывать над этой угрозой или над тем, что может быть «следующий раз», потому что он перевернулся на живот, пряча в смущении лицо:

– У меня там кое-что, – и показал на свои плечи, пылающие от акне, и шелушащуюся кожу. – Это из-за работы. Дайвинга. Я дайвер. Ты в курсе? Источники. Нефтяные скважины там, – он пренебрежительным жестом указал в сторону океана.

Мне предпочтительнее было держать его лицом вниз, чтобы находиться вне досягаемости. Я массажировала его спину, и он сказал мне, что у меня хорошо получается. Я часто это слышала потом, в течение времени, проведенного мною в секс-индустрии. Целитель из меня был лучше, чем секс-работница. Вероятно, потому что мне нравилось лечить людей, меня возмущало сексуальное взаимодействие с теми, кого я не знала или кто мне не нравился, с теми, кто видел меня как какой-то бракованный и вместе с тем волшебный талисман, который можно использовать в надежде на то, что это излечит их страхи относительно собственной мужественности.

Пол пытался спокойно улечься для массажа, он крутился и так и сяк, но никак не мог удобно устроиться. Я пыталась двигаться медленно, чтобы все занимало больше времени, но Пол был в ускоренном мире. Казалось, он хочет войти в мой мир, который был спокойнее, но не может найти туда дорогу. Он тоже оказался в ловушке своей собственной преисподней.

– Сейчас. – Он поспешно соскочил с кровати и вытащил из мини-холодильника холодную банку «Будвайзера». – Встань.

Я встала с противоположной стороны кровати. В отчаянии он нахмурился в мою сторону через всю комнату, умоляя:

– Может, ты могла бы подержать эту холодную банку у меня под яйцами.

Я задумалась над его просьбой. Если мы будем стоять и что-то делать, это поможет мне избежать изнасилования на кровати. Я подошла к нему. Его яйца были фиолетовыми и опухшими, словно сморщенный баклажан. Мы медленно двигались по комнате, я держала банку с пивом между его ногами, а он свою не-мастурбирующую руку положил мне на плечо, словно мы находились на каком-то извращенном студенческом балу. Мы занимались этим около пяти минут, потом он пришел в возбуждение. На что бы он ни надеялся, он этого не получил.

– Можно я тебя нарисую? – выдохнул он, пораженный приступом вдохновения. Я разлеглась на кровати как на картинах Дега, которые видела на уроках истории искусств, а он крутился на вращающемся стуле и рисовал скетчи шариковой ручкой на гостиничных бланках. Рисунки были детскими и неуверенными. И он все время разговаривал:

– У тебя есть парень?

– А у тебя есть девушка? – спросила я в ответ.

Его плечи поникли.

– Нет. Ну, типа. Я вроде встречаюсь с одной. Хотя вообще-то нет. Понимаешь, меня постоянно нет из-за работы.

– Ты поэтому такой грустный? – спросила я. Меня не волновало, почему он грустил. Мои вопросы служили щитом, отвлекая его внимание. Моя печаль, мой страх, мои чувства тут были неуместны.

Он пожал плечами, так щипая себя за шею, что кожа в том месте покраснела.

– У меня была подруга, но отношения у нас были сложные. Она хотела от меня всякое, а я... я не знал, как дать ей это все. Что бы я ни делал – ее это не удовлетворяло. Не так, как с тобой. Я думаю, у нас много общего. – Он улыбался мне, ранимый и сторбленный. – Я чувствую, что ты одобряешь меня. Одобряешь?

– Мда?

Казавшийся удовлетворенным моим ответом, Пол остановился и на какой-то момент уставился на меня, глаза большие, как у оленя.

– Ты действительно красивая. Хотела бы сходить со мной пообедать как-нибудь?

– Я... Ммм...

Но, прежде чем я успела ответить, Пол вмешался:

– Я никогда не смог бы выдержать, если бы моя девушка занималась тем, чем вы. – Он сплюнул на ковер и встал. – Это все вина моей матери.

Он начал ходить взад-вперед по комнате.

– Серьезно, я знаю, люди всегда так говорят, но в моем случае это правда. Она зависимая. Она абьюзер, понимаешь? Манипулятор.

Пока Пол доставал еще одну банку пива, я встала и выглянула в окно. Машины Джереми не было. Я осталась одна. Адреналиновые иголки внезапно вонзились в мой живот. Полу я не сказала. Не была уверена, что произойдет, если сказать ему об этом, но мне не хотелось, чтобы он знал.

– Твоя мать плохо с тобой обращалась, когда ты был маленьким? – спросила я у Пола, стараясь отвлечь его. Он провел рукой по лицу и потер сухую кожу в уголках рта.

– Я был всего лишь ребенком, единственным в семье, а у нее были завышенные ожидания, которым я не соответствовал.

Пол упал обратно на кровать и начал ерзать и дергать себя за волосы, словно пытался вытащить что-то из головы.

– Ты знала, что я еще и поэт? – Я помогала головой. – Иди сюда, – попросил он.

Неохотно я просеменила к кровати и остановилась вне досягаемости, как кошка. Но он извернулся и, схватив меня, потянул вниз, прижал к постели и попытался раздвинуть мои ноги.

– Такая белая кожа лишь фее под стать, – начал декламировать он. – Я хочу твою сладость, но ее не достать.

Пока я боролась с ним, а он сжимал меня, словно в тиски, я чувствовала, как его тревога, его стыд, его страх вливались в меня. Я пришла к пониманию, что это фактически то, чего он хотел от меня – он хотел, чтобы я носила в себе его страдания вместо него. Переносить страдания и выглядеть при этом привлекательно – главная задача секс-работницы. Но я не владела ни подготовкой к тому, чтобы выдержать его страдания, ни знаниями, что с этим делать, и более того, я не хотела этого. Я сопротивлялась. Я брыкалась и боролась, и в итоге он устал и отпустил меня. Я слетела с кровати и стояла, глотая воздух, за вращающимся стулом, разряды электричества вертелись вокруг моих запястий, словно змеи. Я воспользовалась стулом, чтобы отгородить себя, пока смотрела еще раз через окно на парковку.

– Я просто сочинил стих на ровном месте, понимаешь? – сказал мне Пол.

Я потрясла головой. Определенно, мы с ним получили абсолютно разный опыт.

Машина Джереми вползла обратно на парковку, и я прижала ладонь к окну, создавая на стекле запотевший контур. Я хотела прикоснуться к машине, я была так рада ее видеть. Пол поднес кулаки к глазам в драматическом греческом жесте.

– Мне кажется, я влюблен в тебя, – захныкал он. – Пожалуйста, пожалуйста! Просто обними меня. Обними меня на секундочку, на минуточку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.